

Crime & private

Анна Данилова

ЭТЮД В РОЗОВЫХ ТОНАХ

«Автор»

Данилова А.

Этюд в розовых тонах / А. Данилова — «Автор», — (Crime & private)

ISBN 5-699-00829-2

Все кончилось в одночасье – в тот миг, когда Виктору Кленову сказали, что в зимнем лесу на лыжне убили его жену Ренату и ее подругу Иру. Вращаясь в бесконечном ритме своей деловой жизни, целуя на ночь Ренату и изменяя ей с Ирой или секретаршей Тамарой, разве мог Виктор представить себе, что в один день он лишится всего этого счастья? Вернее, что его лишат этого и отправят за решетку. За что? Только за то, что Рената в свое время купила ему сине-белый свитер – точно такой же, какой видели в тот день на убийце. Выходит, Виктора явно кто-то подставил. Но вот кто? Виктор понимал, что найти убийцу – это все равно что вычислить своего главного врага. Но самое ужасное в этой истории то, что он действительно был в тот день на той лыжне...

ISBN 5-699-00829-2

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Часть 1	6
1. Прогулка по зимнему лесу	6
2. Сестра	7
3. Новая жизнь	12
4. Пробуждение	16
5. Живая кукла	22
6. Мертвая квартира	25
7. Ураган «Марго»	30
8. Татарская кошка	35
9. Спокойной ночи	43
10. Возвращение блудного брата	47
11. Серое утро	50
12. Альтернативный план	53
13. Гороховый суп	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Данилова Этюд в розовых тонах

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц)

Часть 1 1998—1999 годы

1. Прогулка по зимнему лесу

Рената еще никогда не была так счастлива. И все, что происходило с ней в тот день, воспринималось ею с благодарностью. Она особо не задумывалась ни о чем, кроме того, что предстояло ей тем вечером. А ведь через несколько часов она будет совершенно свободна, она освободится от тяжелого бремени лжи, так сильно отравлявшей ей жизнь в последнее время. Она наконец-то посмеет разорвать опостылевшие путы и объясниться. Она ничего не боялась. Разве что случайно упасть и подвернуть ногу на лыжне, что случилось с ней однажды во время лыжной прогулки по лесу.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Запыхавшаяся, с порозовевшими щеками и влажными кудрями, выбивавшимися из-под вязаной лыжной шапочки, осмотрелась. Вокруг нее был сосновый лес, засыпанный снегом, искрящимся под ярким декабрьским солнцем. А над головой – голубое чистое небо без единого облачка. Она обогнала свою подружку, Ирину Пчелинцеву, почти на целый круг и теперь с усмешкой смотрела, как та, выбиваясь из сил, пытается забраться на небольшой, скользкий пригорок, на котором стояла сама Рената. Да, она была, наверное, абсолютно права, когда говорила о том, что свежий морозный воздух и лыжи, сосны и солнце помогут ей справиться с навалившейся депрессией. Но никакой депрессии не было, скорее это было ожидание или отсутствие решимости. Но теперь все это в прошлом. Рената приняла решение, и теперь никто уже не остановит ее в стремлении внести ясность в свои отношения с мужем.

Она нагнулась, чтобы стряхнуть снег с ботинок, и нечаянно зачерпнула рукавом толстого свитера снежно-белую массу. Засмеялась, удивляясь приятным ощущениям. Снег освежал ее и немного охлаждал ее пыл.

– Э-ге-гей! – крикнула она что было сил, обращаясь даже не столько к приближающейся к ней Ирине, раскрасневшееся лицо которой становилось все более отчетливым, а ко всему миру, словно замершему в ожидании чего-то невероятного, счастливого. И тут из-за елок вылетел лыжник в сине-белом свитере и темно-синей шапочке, показавшихся ей знакомыми. Вдруг резкая боль разорвала ее счастье на множество мелких и теплых кровавых волокон... Рената упала на снег. Из раны в голове лилась кровь. В раскрытых глазах отразилось бледное зимнее небо...

2. Сестра

Виктор Кленов вышел из ворот тюрьмы и оглянулся. Первые несколько минут он не чувствовал ни мороза, ни ветра, пронизывавшего его худое тело. Он даже не почувствовал вкуса свободы, потому что запах тюрьмы вьелся в кожу и мешал насладиться запахом высоких, поскрипывающих на ветру елей и сосен и черной, успевшей промерзнуть земли. Двадцать пятое октября, а как холодно. Двадцать пятое октября – ровно десять месяцев прошло с тех самых пор, как ему позвонили и сказали, что его жена, Рената, мертва. Десять месяцев в тюрьме без вины. Обычные для этой страны дела.

Он сплюнул, достал мятую пачку «Примы» и закурил. Идти ему было некуда. Квартира, где они жили с женой, была продана за долги, которые образовались (если верить друзьям-учредителям) после того, как для его освобождения были наняты аж три адвоката. Да только где они, эти адвокаты? Да и зачем было их нанимать и отваливать такие деньги, если до суда дело так и не дошло, а его, Виктора Кленова, без всяких адвокатов и так выпустили на свободу за недоказанностью обвинения. *Все лжецы и предатели. Они ограбили меня, продали нашу с Ренатой квартиру. Сволочи.*

Но у него не было сил даже на злость. Вся его сила растаяла за колючей проволокой вместе с последними надеждами нормально дожить свою жизнь.

Он не сразу заметил стоящую рядом с ним машину. Вернее, он не заметил, когда она появилась. Грязная темно-зеленая «четверка».

Виктор докурил и выбросил окуроч. Вот только теперь он понял, насколько замерз. Ветер продирает его до костей, и тонкий свитер несколько не греет.

Внезапно дверца машины открылась, и после некоторой возни из нее вышла женщина. Нескладная высокая брюнетка с сигаретой в зубах. Кожаная куртка, кожаные брюки, высокие кожаные коричневые ботинки.

– Привет. Ты Кленов? – спросила она совершенно бесцветным голосом, из которого невозможно было понять, издевается она над ним или одаривает своей симпатией.

– Я. Дальше что? – Ему вдруг стало трудно дышать.

– Меня зовут Наталья. Ты меня, наверное, не помнишь...

– Нет, не помню. Кто вы? От кого?

– Ни от кого. От себя лично. Я – твоя троюродная сестра. Может, помнишь нас, Агранатовых? Мы жили долгое время в Балтийске, после смерти отца мать уехала с моим братом в Сызрань, а я вернулась сюда. Вот узнала о тебе и решила встретиться. Ты не рад?

– Агранатовы?

Фамилия эта не говорила ему ровно ни о чем. Хотя в Балтийске действительно много лет жила двоюродная сестра его матери, у которой было двое детей, сын и дочь, и дочь действительно звали Натальей.

– Значит, ты – дочь двоюродной сестры моей матери, которая вышла замуж за военного и уехала в Балтийск? Но зачем ты здесь и зачем тебе я?

– Просто так.

– Просто так только кошки рождаются. Мне никто не нужен. А тем более утешители.

– Это я купила твою квартиру. – Она сделала паузу, глубоко затянулась дымом и выпустила его через ноздри, как мужчина. – Там все осталось по-прежнему. Разве что появилась еще одна зубная щетка.

Вот от этих слов Кленов побледнел. Кожа его покрылась мурашками. Он ослышался, верно.

– Ты купила мою квартиру?

Она молча кивнула.

– Но как тебе это удалось?

– У меня были деньги, и я купила ее без проблем. Мне хотелось, чтобы ты вернулся туда и жил там, как и раньше.

– Жил? Но...

– У меня никого нет, – решительно оборвала она его и втянула, пряча от ветра, свою маленькую голову в ворот куртки. – У тебя – тоже, я полагаю. Не так ли?

– Что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы мы жили вместе.

– Но я никогда не смогу стать твоим любовником. Я больной физически и нравственно. Думаю, тебе не пришло это в голову, когда ты покупала мою квартиру и строила относительно меня какие-то планы.

– Я – тоже больна. И физически, и морально. Мы с тобой инвалиды и должны заботиться друг о друге.

– Я не понимаю. Что это, в тебе разыграли запоздалые родственные чувства, которых никогда не было, во всяком случае, по отношению ко мне? – Его уже начинала раздражать эта девица, запакованная в кожу. – Может, объяснишь?

– Судя по рассказам моих родных, ты неплохой парень. Как раз такой, какой нужен мне для того, чтобы начать новую жизнь.

И вдруг он все понял.

– Ты имеешь в виду мой бизнес? Так его больше нет. И денег тоже нет. Я не смогу выкупить у тебя свою квартиру. Все развалилось, взорвалось, превратилось в прах. Я нищ, и у меня за душой ни гроша. – В груди у него что-то задрожало, и голос готов был сорваться на крик. – Я даже не представлял себе, где буду сегодня ночевать. У меня найдутся лишь силы для того, чтобы утащить тебя за собой на дно, понимаешь? Я не тот человек, которого ты себе нарисовала. Я уже не мужик, а так, одна оболочка. Не защитник.

– Но ты знаешь, как заниматься бизнесом, у тебя опыт, – невозмутимо продолжала она. – Кроме того, ты – порядочный человек и не станешь подличать и жульничать со своими.

– Я понял: ты собираешься открыть здесь дело, и тебе нужен человек, которому ты могла бы довериться?

– Все правильно.

– Но ведь ты совершенно ничего не знаешь обо мне. Ты встречаешь меня возле ворот тюрьмы. Разве тебе это ни о чем не говорит?

– Говорит. О том, что тебя продержали в клетке по подозрению в убийстве твоей жены, Ренаты, которую ты не убивал.

– А откуда тебе знать, убивал я ее или нет?

– Я даже знаю, что в тот день, двадцать пятого декабря, была убита не одна Рената, но и ее подруга, Ирина Пчелинцева. Что они были застрелены в лесу пистолетом той же марки, что и у тебя, и пистолет не нашли. Послушай, Виктор, к чему ворошить прошлое? Я верю, что ты никого не убивал и что тот парень в свитере – не ты. Поедем домой, а то я совсем замерзла. Дома и поговорим. Я приготовила ужин, тебе понравится.

Кленов пожал плечами и сел в машину.

Когда она открыла дверь, он сразу же почувствовал запах Ренаты. Ее духов, ее кожи и волос. Вся квартира была пропитана ароматами ее кремов и духов, горячего теста и ванили. Рената была женщиной в полном смысле этого слова и заполняла свою жизнь до предела женскими штучками. Она постоянно меняла свою внешность, красила волосы во все цвета, ее туалетный столик ломился от косметики, а шкафы – от нарядов. Она была красивой, капризной, упрямой, ленивой, самолюбивой, эгоистичной, жадной до удовольствий, но все это не мешало

Виктору любить ее и удовлетворять ее растущие потребности. Рената нигде не работала и объясняла это желанием познать себя. Она была увлекающимся человеком и постоянно чем-то занималась. То училась всерьез вязать и покупала дорогие немецкие журналы по вязанию. То надумала рисовать и скупилась в художественном салоне все холсты и подрамники и сразу же пустилась писать маслом натюрморты с луковицами и тыквами, бархотками и виноградом. Когда же краски и холсты в доме кончились, она занялась скульптурой, привезла откуда-то белой глины и стала брать частные уроки у одного известного в городе скульптора. На полках ее мастерской, в которую она превратила их супружескую спальню, появились маленькие бюстики неизвестных Виктору женщин и мужчин, затем – крохотные копии роденовских скульптур. Некоторое время она училась на дизайнера и потратила кучу денег на ремонт их огромной квартиры. По ее проекту прорубались и выламывались стены, возводились дивные арки, стелился паркет, натягивались потолки, драпировались стены и устанавливались сделанные на заказ светильники... Виктор, возглавлявший в то время фармацевтическую фирму и большую часть суток проводивший в своем офисе, так и не успел высказать жене свое восхищение по поводу ее бурной деятельности и вслух оценить ее талант и энергию. Она погибла, так и не услышав этого от него. Их отношения в последние полгода сводились лишь к взаимным упрекам и придиркам. Рената отказывалась спать с ним, была с мужем подчеркнуто холодна и на все вопросы Виктора по поводу этой странной метаморфозы, происшедшей с ней, такой страстной и жадной до ласк женщиной, отвечала многозначительным молчанием, смысла которого он так и не понял... У нее не было любовника, к которому ее можно было бы приревновать, это Виктор знал наверняка, так как нанимал даже частного детектива, чтобы тот проследил за женой. Получалось, что она его просто разлюбила. Хотя и продолжала жить с ним под одной крышей...

Он замер на пороге, вдыхая родной запах квартиры, и вдруг представил себе Ренату, спешащую ему навстречу и вытирающую руки о передник. Она так и не решилась нанять домработницу, а потому все по дому делала сама. «Привет», – услышал он несуществующие слова, нечаянно всплывшие из его далекого, десятилетней давности, прошлого и вызвавшие в нем настоящую бурю. Он не ожидал такого поворота событий, и тот факт, что его привезли к нему же домой, в ту самую квартиру, которую он давно уже считал для себя потерянной, вызывал в нем смутное чувство тревоги и одновременно спрятанной где-то поблизости большой лжи.

– Я понимаю, какие чувства ты сейчас испытываешь, но тебе придется немного поработать над собой, чтобы ты не ждал появления в этих стенах Ренаты, – вдруг услышал он и обомлел. Его новоиспеченная сестра читала, похоже, мысли. – Предлагаю тебе пройти сначала в ванную, там приготовлено все необходимое для мужчины: полотенце, все для бритья, лосьон и даже белье. Наденешь халат. Твой халат. И приходи на кухню. Поужинаем.

На ужин были пельмени, и Виктор, обжигаясь, съел довольно много, пока не понял, что пора остановиться. Он знал, что значит переест после столь долгого почти что голода.

– Виктор, осторожнее. – Наталья положила ему руку на плечо. – У тебя еще будет возможность отъесться. Я готовлю хорошо, а потому ты быстро наберешь вес и поправишься. Если ты не заупрямишься, мы положим тебя в хорошую клинику, где ты сможешь пройти полностью обследование и немного подлечиться. – И сразу же, без перехода, продолжила: – Твои друзья предали тебя. Поверили в то, что ты убил Ренату. Но это уже их проблемы. И за то, что они продали мне твою квартиру, им тоже придется отвечать. А что с твоими накоплениями?

Виктор сидел напротив совершенно незнакомой ему женщины и смотрел в ее темно-синие глаза, силясь понять, почему ему так спокойно с ней. Неужели она права, и в нем пробудились родственные чувства? Неожиданно в нем проснулась злость и стала расти внутри его. Злость на всех, даже на Ренату, которая невольно предала его, уйдя из этой жизни.

Когда Наталья повторила свой вопрос относительно его накоплений, он словно очнулся и посмотрел на нее с недоумением.

– Накопления? А разве мои счета не арестовали?

– Конечно, нет. С какой стати их бы арестовали, если ты не совершил никакого преступления. Ты никому не нанес материального ущерба. Разве твои адвокаты не просветили тебя относительно этого?

– У меня не было адвокатов. Вернее, приходили какие-то типы, представившиеся адвокатами, но они по большей части лишь разводили руками. Они, словно сговорившись, объяснили мне, что вытащить меня из тюрьмы не представляется возможным по той причине, что мне предъявлено очень серьезное обвинение, и что все улики указывают на то, что это именно меня видели в лесу в тот день.

– Ты имеешь в виду того лыжника в сине-белом свитере и темно-синей шапочке?

– Да. В деле имеются показания свидетелей, которые видели в посадках Ренату, Ирину и мужчину точно в таком же свитере, как и у меня.

– Я немного знакома с твоим делом...

– И как же тебе это удалось? Ходила к следователю?

– Да. Я пришла к нему с открытым забралом, предъявила документы и сказала ему, что не верю в то, что это ты убил Ренату. Попросила его рассказать об этом деле, о том, где и при каких обстоятельствах были обнаружены трупы Ренаты и ее подруги.

– Ты заплатила ему, – он устало прикрыл глаза. После обильного ужина ему захотелось спать.

– Конечно.

– Но откуда у тебя так много денег?

– Говорю же, продала квартиру, машину, гараж и дачу в Балтийске.

– Чем ты там занималась?

– Ничем, если честно. Сидела на шее мужа. Но потом он завел себе любовницу, и мы с ним расстались. Он оставил мне большую квартиру с обстановкой, немного денег. Словом, поступил хотя бы в этом случае как порядочный человек.

– Ты больна?

– Да. У меня болит душа. А еще – нервы... Я приехала сюда для того, чтобы с твоей помощью попытаться прийти в себя после развода и начать новую жизнь. Мне нужно чем-то занять себя, с головой уйти в работу и стать независимой. Меня пугает только то, что деньги, которые я привезла сюда, тают с огромной скоростью. Теперь ты понимаешь, что я, попросту говоря, поставила на тебя?

– Понимаю. Но я тебе ничего не обещал. Больше того, я могу прямо сейчас уйти отсюда, и ты меня никогда не увидишь...

– Не говори так. – Она подняла на него свои блестящие глаза и посмотрела на него с укоризною. – Пойми, мне сейчас тоже нелегко. Постарайся внушить себе, что ты не один, что теперь от тебя зависит другой человек, который нуждается в твоей заботе. Я понимаю, что все это для тебя неожиданно, что тебе проще было бы опуститься на самое дно и утопить себя и свою молодую жизнь в водке или наркотиках, но ведь ты же не такой?!

В ее голосе звучала надежда. Кроме того, в присутствии этой незнакомой ему женщины он и сам чувствовал себя защищенным. После десяти месяцев, проведенных среди чужих и обозленных на весь мир людей, оказаться в своей же квартире, на своей кухне и ужинать по-семейному – разве он мог вообще мечтать о таком? Наталья. После того, как она переделалась во все домашнее, она уже не казалась ему такой нескладной, как там, возле ворот тюрьмы, когда она выходила из машины. Она была стройной, у нее были черные волосы, бледное и довольно привлекательное лицо, большие синие глаза и аккуратный нос. Поджатые губы ее выдавали в ней упрямого и даже жестокого человека. Но высокий и гладкий лоб как-то сглаживал это впе-

чатление и придавал ее облику утонченность, свидетельствовал о наличии интеллекта. Виктор, долгое время не видевший женщины, спросил себя, смог бы он лечь в постель с Натальей, и ответом ему было полное молчание его собственного тела.

Он, бросив быстрый взгляд на сидящую перед ним женщину, тут же поспешил отвести глаза: ему почудилось, что она прочла и эти его мысли.

– Пойдем спать. Мы оба устали.

Она показала ему аккуратно и заботливо постеленную чистую постель и, улыбнувшись немного странной улыбкой, вышла из комнаты и притворила за собой дверь. Виктор, лежа в полумраке спальни, слышал еще некоторое время, как она звенит посудой на кухне, после чего все стихло, и квартира погрузилась в тишину. *Все как тогда, при Ренате.* Он силился вспомнить, когда последний раз спал вместе со своей женой, но так и не смог. Она покинула их спальню неожиданно, смертельно оскорбив его и так и не успев объясниться перед смертью.

Картины их далекой семейной жизни на время отвлекли его от реальности, от сознания того, что он невольно стал заложником своей троюродной сестры и что даже кровать, на которой он лежал, теперь уже не принадлежала ему. Неожиданно возбуждение, грозящее вылиться в тяжелую и тупиковую истерику, повернуло мысли снова в сторону засыпающей за стенкой незнакомой и весьма привлекательной женщины. Он уже видел себя входящим в гостиную и срывающим с полуобнаженного и беззащитного тела одеяло. Наваждение и желание овладеть женским телом было так велико, что он даже поднялся, сел на постели, прислушиваясь к бешеному стуку сердца. Затем, превозмогая разливающуюся по телу истому и лень, заставил себя подняться и подойти к окну. Там, в прозрачном темно-синем воздухе, чернели крыши, светляками стыли на морозе светящиеся окна.

Он не помнил, как одевался и выходил из квартиры, как почти бежал в сторону вокзала – пристанища грязных и доступных женщин, как покупал у заспанной толстухи из киоска презервативы...

Домой Виктор Кленов вернулся спустя два часа. Он чувствовал себя еще более мерзко, чем утром, когда только вышел за ворота тюрьмы. Очищения свободой не получилось. Свобода вымарала его еще больше, опустила еще ниже.

Он столкнулся с Натальей лоб в лоб в темной прихожей, когда уже выходил из ванной комнаты, где смывал с себя следы прикосновения почти детских продажных рук и губ. Его мутило от воспоминаний тошнотворного скотского акта, от всей бессмысленности и пошлости содеянного. А ведь он даже не заплатил девушке, обслужившей его в одном из грязных вокзальных углов...

– Теперь ты немного успокоился? – услышал он, и его бросило в пот. – Тебе не стоило этого делать. Ты мог подцепить заразу.

– Но я не знал, как мне поступить. Это было выше моих сил.

– Сказал бы мне, – произнесла она тихо, словно извиняясь, от чего Виктору сделалось много хуже. *Уж не сплю ли я...*

3. Новая жизнь

Аля Вишня не любила свою работу. Да и какое удовольствие может принести тошнотворный запах спиливаемых ногтей и ацетона под мурлыканье довольных и холеных клиенток. И хотя маникюршей можно было неплохо заработать, Аля всегда страдала от мысли, что она занимается грязным и унижительным для нее занятием, а потому время от времени поступала гнусно, обкусывая щипчиками до крови кожу особо неприятных ей клиенток. Понятное дело, что она играла, когда, видя кровь на пальцах, принималась рассыпаться в извинениях, делая вид, что очень сожалеет о случившемся. Аля спрашивала себя, как долго она будет еще испытывать судьбу, и словно ждала удобного случая, чтобы бросить эту работу и прекратить эти жалкие потуги каким-то образом возвыситься над своими клиентками. Она понимала, что поступает гадко, причиняя им боль, и даже страдала при мысли, что она такая злая, но ничего поделать с собой не могла: желание порвать с этой опостылевшей жизнью и занять высшую ступень в обществе было слишком велико.

Особенно ее раздражала одна клиентка, которую в их салоне принимали с особой почтительностью и даже бесплатно угощали кофе. Это была крупная статная дама со светлыми волосами, уложенными в высокую прическу, и, судя по обрывкам сплетен, долетавшим до Али, клиентка эта работала в правительстве города. Однажды, когда они с одной из девчонок-парикмахерш прогуливались по центру города, Але показали дом, в котором жила эта клиентка. Спрятанный в тихом и уютном дворе пятиэтажный дом с балконами, пластиковыми окнами и белыми чемоданчиками кондиционеров.

Эта дама давала щедрые чаевые и всем своим видом словно хотела показать, какая она добрая и как ей хочется сделать всем приятное. Но только не Але. Быть может, поэтому, когда тишину теплого и уютного салона разорвал ее визг, Але стало хорошо и весело на душе. Крови было мало, а крика и шума много. Административно-правительственная дама не стеснялась в выражениях и чуть было не набросилась на нее с кулаками. А ведь Аля ей всего лишь прихватила немного «мяса» на пальце, потянув за заусенец. И тогда случилось то, чего меньше всего ожидали все присутствующие в салоне кроткие овечки-мастера: Аля Вишня смахнула со своего столика все банки и пузырьки с разноцветным лаком, по полу рассыпалась розовая соль, и во все стороны полетели инструменты. С выручкой в кармане и гордо поднятой головой Аля покинула салон, даже ни разу не обернувшись. Ей было глубоко наплевать и на свои, купленные на собственные деньги, инструменты и лак, на все то, что она оставляла за прозрачными дверями ставшего ей ненавистным салона. Ей казалось, что там же она оставляет и свое унижительное прошлое и что теперь жизнь ее пойдет по-другому. Внутри ее бесновалась надежда, рвалась наружу и сулила ей немислимое счастье.

Придя домой, однако, она поняла, что в ее жизни на самом деле появилось нечто довольно новое. Вернее, хорошо забытое старое. И этим новым и старым был ее отец, вернувшийся из своего очередного гражданского брака. Понятное дело, что он открыл дверь своим ключом, вошел в квартиру, помылся (в комнате пахло мылом и влажностью), съел Алин ужин и теперь, вытянувшись на диване, смотрел телевизор. Сейчас он казался неотъемлемой частью гостиной, чуть ли не центральной, пусть даже немного и подзабытой, фигурой.

– Папа? – Аля стянула с себя сапоги и в шерстяных носках прошла к дивану, чтобы убедиться, что отец реален и что это не призрак. – Ты?

– Привет, детка, – отец широко улыбнулся ей своей удивительно белозубой для его возраста улыбкой. Он был красивым брюнетом с синими глазами и хорошими манерами, которого очень любили женщины. – Я вернулся. Как ты? Судя по тому, что на ужин у тебя была жареная курица, у тебя все в порядке.

– Тебя выгнали? – Аля имела в виду его очередную гражданскую жену, которую он, вероятно, обобрав до нитки, разлюбил, не успев полюбить.

– Как ты можешь говорить такое о родном отце?! Я сам ушел.

– И что же ты теперь намерен делать?

– Жить с тобой. Слава богу, у нас с тобой двухкомнатная квартира, причем не самая маленькая, а потому нам, я думаю, здесь не будет тесно. Или ты живешь здесь не одна? – В его голосе Аля уловила напряжение и одновременно усмешку. Понятное дело, ему бы хотелось, чтобы она была одна.

– Я одна, успокойся. Но только предупреждаю сразу: кормить тебя не собираюсь. Ты – здоровый мужик, а потому заботься о себе сам. И носки стирай себе сам. У меня и так дел невпроворот.

– И где же мы сейчас трудимся?

– В парикмахерской. – Она зажмурилась на мгновение и увидела полные ненависти глаза своей последней клиентки, размахивающей окровавленным пальцем.

– Вот и отлично.

И, сказав это, отец поудобнее устроился на диване и даже прикрыл от удовольствия глаза. Аля же, понимая, что ей сегодня не светит провести вечер на любимом диванчике, пошла в ванную, а оттуда в спальню. Нырнула под теплое одеяло и сразу же уснула.

Утром она сварила кашу, кофе и накормила отца завтраком.

– Какие у тебя сегодня планы? – спросила она довольно спокойным голосом, стараясь хотя бы с самого утра не выказывать свою неприязнь к отцу. – Ты будешь искать работу?

– Конечно, детка. – Отец посмотрел на нее тем долгим взглядом, который она не терпела, потому что в нем не было ничего, кроме презрения и насмешки.

– Вот и отлично.

– А ты пойдешь на работу?

– Я вчера уволилась, – вынуждена была признаться она и, понимая, что отец не поверит ей и воспримет ее слова лишь как желание поскорее заставить его работать, добавила: – Со скандалом. Теперь ты понимаешь, насколько не вовремя ты сюда явился. Может, вернешься к своей мадам?

– Я не живу с женщинами, у которых нет денег, ты же знаешь.

Она ничего не ответила и принялась мыть посуду.

Так прошла неделя. Аля готовила, ходила на рынок, стирала, убирала квартиру, а отец все это время лежал на диване и смотрел телевизор. Ему было лень даже выбросить мусор в мусоропровод.

Деньги кончались, Аля не представляла, на что они будут жить дальше. Ругаться было бесполезно: отец находил своих женщин лишь по вдохновению, а потому надо было набраться терпения и ждать. Когда же она поняла, что из еды у них осталась одна луковица, ей стало страшно.

– Может, ты все-таки выйдешь из дома и подцепишь какую-нибудь богатую вдовушку, чтобы у нас появились деньги? – сказала она и содрогнулась, когда озвучила собственные мысли.

– Я вижу, ты созрела для серьезного разговора, – вдруг услышала она, и нехорошее предчувствие охватило ее.

– У тебя есть план?

– У меня есть на примете один человек, который хорошо заплатил бы нам с тобой, если бы ты согласилась немного пожить у него.

– Что значит пожить? – покраснела Аля. – Ты хочешь продать меня?

– Лишь на время. Сначала дня на три, а дальше – как карты лягут.

– Или... как я лягу?

– У нас с тобой нет другого выхода.

– У нас с тобой? – передразнила она отца. – Но при чем здесь ты? То, каким образом можно мне, девушке, заработать деньги, я и без тебя знаю. Но почему я должна содержать тебя?

– Я – твой отец.

– Но тогда почему же ты все свои деньги тратил только на себя? Почему ты, живя с богатыми тетками, ни разу не пришел ко мне и не дал мне денег? Ты бросил меня... А теперь заявился и утверждаешь, что я должна заняться такой мерзостью, чтобы кормить тебя?!

– У тебя все равно нет другого выхода.

– Какая же ты скотина! – Она швырнула в него пустую пачку из-под сигарет. – Даже сигареты мои все выкурил...

– Запоминай адрес: улица Лунная, дом...

Она закрыла глаза. Нет, не такой она представляла себе свою будущую жизнь. И хотя девственность свою она уже давно потеряла на одной из дискотек и после первого безумия в ее жизни случилось не менее десятка примерно таких же, мысль о том, что теперь это придется ей делать за деньги, заставляла ее жестоко страдать. Она не боялась мужчин и знала, что им нужно от женщины и как заставить их раскошелиться, но сам факт того, что ее собственный отец предлагал ей торговать телом, приводил ее в бешенство. С другой стороны, в доме было нечего есть, и впереди была полная безысходность. Кроме того, то, что предлагал ей отец, позволяло надеяться, что рано или поздно, скопив немного денег, она сможет начать новую жизнь или хотя бы у нее появится возможность подыскать себе работу.

– Что это за человек и откуда ты его знаешь?

– Тебе-то какая разница, откуда я его знаю. Он не молод, но очень богат. Тебе не придется много работать.

Последние слова больно задели ее. Она вперила в отца тяжелый и полный ненависти взгляд и вдруг подумала, что она обрадовалась бы, если бы он умер. Вот взял и умер. Подавился, к примеру, булкой и задохнулся.

Они приехали на улицу Лунную поздним вечером.

– Подожди меня здесь, на скамейке. Не кури. Он не любит курящих, – сказал отец и скрылся в подъезде многоквартирного дома. Но Аля за то время, что он отсутствовал, выкурила аж три сигареты. После чего зажевала мятной конфетой. Было холодно. Шел снег. Над головой стили равнодушные звезды, которым не было никакого дела до нее, Али, которую привели сюда, как овцу на заклание. И кто? Собственный отец.

– Иди, он ждет тебя.

Она очнулась. На синем пальто отца сверкали снежинки. А непокрытая голова с черными кудрями казалась посыпанной новогодними блестками. Але вспомнилась елка в школе, запах хвои и мандаринов, ласковые мамины руки, надевающие на голову маленькой Али сделанную из картона корону с фальшивыми жемчужинами. Марлевого накрахмаленного платья Снежной королевы, сшитое мамиными же руками, сделало в тот памятный вечер Алю королевой бала. Мама умерла весной, не дождавшись Восьмого марта. У Али до сих пор хранится приготовленный для нее подарок – желтые, сделанные из перьев, цветы и крохотная коробочка духов «Чайная роза».

Но все это было в другой жизни. Сейчас же ее ждал мужчина, готовый заплатить ей или отцу за то, чтобы она жила с ним. Жила и спала. Занималась мерзостью. Иначе как можно назвать отношения восемнадцатилетней девушки со стариком?

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – Она посмотрела на отца и чуть не отшатнулась от этих немигающих, ледяных, таких родных и одновременно чужих глаз.

– К чему говорить бессмысленные слова, когда и так все ясно? Иди, ты сама поймешь, как долго сможешь находиться у него.

– А деньги? – спросила она дерзко.

– Деньги, часть, он мне уже дал, чтобы я смог на что-то существовать, а остальное получишь, как только тебе надоест жить у него.

– Он хотя бы... нормальный?

– Иди и ничего не бойся. – Он даже обнял ее и прижал к себе, как если бы они стояли не возле подъезда ее будущего содержателя, а перед дверями аудитории, в которой ей предстояло держать экзамен.

Аля вошла в подъезд, поднялась на третий этаж и замерла перед массивной дверью, обитой лоснящейся кожей. Позвонила. И тотчас дверь отворилась. Она увидела на пороге мужчину в халате. На вид ему было лет шестьдесят. Седые волнистые волосы, красноватое лицо, аккуратная бородка.

– Ты – Аля? – спросил он, внимательно оглядывая ее.

– Да.

– Проходи. Я как раз ужинать собирался.

Он помог ей раздеться, подал новые, отороченные мехом, домашние тапочки.

– Меня зовут Борис Ефимович.

Она молча кивнула головой. Ей было глубоко наплевать, как его зовут.

4. Пробуждение

Виктор проснулся и долгое время не мог сообразить, где находится. С одной стороны, он понимал, что лежит в спальне своей квартиры, но с другой – не мог понять, как он здесь оказался. Свою первую ночь на свободе он спал настолько крепко, что даже не сразу вспомнил, как зовут его сестру, не говоря уже о времени, проведенном на вокзале. И все же память постепенно возвращалась к нему, и теперь, когда он все вспомнил, ему вдруг стало нестерпимо стыдно перед Натальей.

В дверь комнаты постучали.

– Войди.

Наталья появилась перед ним с подносом в руках. Черные волосы, еще влажные от мытья, блестели, щеки горели, а губы улыбались.

– Привет.

– Привет. Знаешь, я не привык, чтобы мне приносили завтрак в постель, – сказал он не очень-то дружелюбно. – Рената не баловала меня.

– Я могу отнести еду обратно, на кухню, – улыбка сползла с ее лица. – Ты так и будешь вспоминать свою жену?

– А ты как бы хотела?

– Но ведь ее уже нет.

– Тебе придется смириться с тем, что я постоянно, ты слышишь, постоянно буду вспоминать ее.

– Но разве ты ее любил?

– Любил. И это вообще не твое дело.

– Твою жену убили.

– Убили.

– Вот я и подумала... – начала она осторожно, – раз ты не ищешь убийцу, значит, тебе это не надо...

– Я знаю, о чем ты сейчас подумала. Но это не я убил ее. Помнится, еще вчера ты верила мне.

– Хорошо. Поговорим начистоту. Ты ешь, а я буду говорить, излагать свои мысли, договорились?

Он взял тарелку с молочной кашей и скривился. Он любил мясо, а ему принесли детсадовскую еду.

Наталья не смогла скрыть свою усмешку, но ничего не сказала, глядя, с каким отвращением он зачерпнул кашу.

– Сейчас я произнесу вслух все то, в чем ты боялся признаться себе все то время, пока шло следствие. Итак, начнем с самого начала, с того дня, когда ты узнал о том, что твоя жена убита в лесу, на лыжной тропе. Она застрелена вместе со своей подругой, Ириной Пчелинцевой. Спрашивается, кому понадобилось убивать обыкновенную домохозяйку, да еще и вместе со своей такой же бездельницей-подружкой?

– Ты что-нибудь знаешь об Ирине?

– Конечно. Ирина Пчелинцева – обыкновенная тунеядка, жившая за счет своих любовников. Это может подтвердить кто угодно.

Виктор не верил своим ушам. Он смотрел на стоящую перед ним почти незнакомую женщину и недоумевал, откуда она вообще что-либо знает об убийстве Ренаты и Ирины, двух близких ему женщин. И почему она так неуважительно отзывается о них? Обзывает бездельницами и тунеядками? Хотя основной вопрос она ставит верно: кому понадобилось убивать двух ни в чем не повинных женщин?

– Вопрос второй: надо ли тебе выяснять, кто убил твою жену? Есть ли в этом смысл?

– А разве нет смысла в том, чтобы узнать, кто убил дорогого тебе человека?

И снова та же усмешка, полуулыбка-полузлорадство. Или Виктору это только показалось?

– Правильно, смысл есть хотя бы в том, чтобы выяснить, были ли у твоей жены враги. Предположим, что ее убийство связано с твоим бизнесом. Как ты думаешь, такое могло случиться?

– С моим бизнесом? Нет, думаю, мой бизнес здесь ни при чем. Разве что меня кто-то захотел подставить?

– Наконец-то, – Наталья с облегчением вздохнула. – Ну, посуди сам. Ты никого не убивал, но провел десять месяцев за решеткой. Ты был состоятельным человеком, а теперь без вины остался нищим. Твои друзья продали все твое имущество с молотка, что называется... Кроме того, твои враги потрудились внушить тебе, что ты виновен, и подсунули тебе пройдох-адвокатов, которые практически разорили тебя, ничего не предприняв. Как ты думаешь, почему это случилось?

– Думаю, что они сломили мою волю.

– В том-то и дело. Ведь когда ты вышел из ворот тюрьмы, ты ничего уже не хотел. Даже свободы, не так ли?

– Да, верно.

– И разве не справедливо будет вернуть тебе все то, что ты вложил в свое дело, и наказать тех, кто так жестоко поступил с тобой? Ты можешь по именам и фамилиям назвать своих друзей-учредителей, твоих компаньонов, которые, я уверена, причастны к смерти Ренаты?

– Могу. Но что мы сможем доказать?

– Предоставь это дело мне, и ты поймешь, кто твой настоящий друг.

Разговор получался весьма странным и каким-то несерьезным. Что могла сделать одна женщина против богатых и беспринципных негодяев?

Безусловно, мысль о том, что и Сулейманов, и Бархатов – его компаньоны – причастны к смерти Ренаты, приходила Виктору, и не раз. В последнее время они часто конфликтовали с Виктором, не соглашались с его новым проектом расширения сети аптек и не считали необходимым даже выслушать его. Но разве это причина, чтобы лишить жизни двух молодых женщин? К тому же сам факт того, что Ренату убили в лесу, говорил о многом: никто не мог знать, что она собирается совершить прогулку на лыжах; она была человеком совершенно спортивным, и, чтобы заставить ее встать на лыжню, надо было приложить немало усилий и найти нужные слова, способные убедить ее сделать это. К тому же в материалах дела имелась пусть и скудная, но все же информация о человеке в синем-белом свитере и синей лыжной шапочке, которого в тот день видели на лыжне. И по описаниям этот лыжный костюм подходил к описанию его, Виктора, свитера и шапочки. Вещи были изъяты, отправлены на экспертизу, которая установила, что на свитере имеются следы крови, которая могла бы принадлежать Ренате. Но откуда там взялась кровь? Разве что Рената случайно испачкала его в своей крови? Но Рената не страдала высоким давлением, чтобы можно было предположить, что кровь шла из носа. Не помнил он, чтобы она чем-то поранилась. Может, кто-то нарочно вымазал свитер, чтобы подставить его, Виктора?

– За что могли убить Ренату?

Он очнулся. Посмотрел на Наталью и покачал головой. Если бы он мог ответить на этот вопрос, все в его жизни сложилось бы иначе.

– Виктор, скажи, ты можешь вспомнить...

– Послушай. – Он вдруг встал и чуть не опрокинул посуду вместе с подносом. – Послушай, Наталья, зачем ты задаешь мне эти нелепые вопросы? Почему ты не оставишь меня в покое и что ты вообще знаешь о моей жизни и о Ренате? Позволь мне самому разобраться

во всем этом. Ты хочешь, чтобы я помог тебе в твоём бизнесе? Пожалуйста. Я и сам получу удовольствие, если у тебя с моей помощью что-то получится. Но прошу тебя, не вмешивайся в эту историю с убийством моей жены. Ты задаешь мне глупые вопросы и ждешь на них ответа, а я ничего, понимаешь, ничего не могу тебе ответить. Я не знаю, кто убил Ренату. А если тебе интересно, буду ли я нанимать частных детективов, чтобы выяснить, кто ее убил, то отвечу тебе прямо: нет, не буду. И не потому, что мне не хочется узнать, кто и за что убил мою жену, а потому, что я не верю в положительный исход дела. С меня вытянут несколько тысяч долларов, а убийца так и останется на свободе.

– Но почему?

– Да потому что это либо какой-нибудь маньяк, либо человек, который принял мою жену за кого-то другого... Кроме того, Ренату могли убить случайно, целясь в Ирину... Хотя зачем убийце было совершать преступление на глазах свидетеля – тоже непонятно.

– А мне непонятно другое. Как ты можешь спокойно жить, зная о том, что у тебя есть реальный враг?

– Какой еще враг?

– Тот самый, который убил твою жену. Мало того, что ты стал вдовцом, так еще и банкротом. Вот скажи мне, пожалуйста, каким образом ты позволил продать свою квартиру и выпасть из учредительного совета? Как? К тебе кто-то приходил и давал подписывать документы, доверенности в частности?

– Да, именно доверенности. Но и ты пойми, в каком я был состоянии.

– Значит, эти люди заодно с убийцей!

– Ты делаешь слишком поспешные выводы.

– А ты слишком доверчив, Виктор. Я предлагаю тебе помощь, но только на условии, что ни один документ начиная с сегодняшнего дня не пройдет мимо меня. Ты согласен?

– Доверчив... – повторил он, не сводя с нее глаз. – Но разве ты сама не рассчитывала на эту самую доверчивость, когда собиралась встретить меня у ворот тюрьмы?

– Частично, да. Но потом подумала о том, что это чувство в тебе нужно вытравлять, как застарелые рубцы. Пойми, я решила начать новую жизнь, приехала сюда со всеми деньгами, которые только у меня были. Как ты думаешь, мне безразлично, каким будет мой единственный компаньон?

– Думаю, что нет. Хорошо, я обещаю тебе, что все документы, касающиеся наших общих дел, будут проходить и через твои руки. Но тебе не кажется, что слишком уж преждевременно мы ведем разговор на такие серьезные темы? Ведь у нас нет ничего!

– Пока нет, – с достоинством ответила Наталья и, немного успокоенная, собрала посуду на поднос и вышла из комнаты.

Виктор, глядя ей вслед, подумал о том, что эта женщина постоянно держит его в напряжении и не дает расслабиться. Ни на минуту. Если так и дальше будет продолжаться, то, возможно, он и вылечится от своей депрессии.

– Подожди, – вдруг крикнул он, вскочил с кровати и кинулся за Натальей. – Ты права... Может, нам, не откладывая дела в долгий ящик, пригласить к себе и Бархатова, и Сулейманова? Послушаем, что они скажут. Вот только мне не хотелось бы пока, чтобы они увидели тебя. Пусть ломают себе голову, каким образом я вновь оказался в своей квартире.

– Глупости, – ответила Наталья. – Неужели ты думаешь, что они не догадаются посмотреть по документам, кто купил квартиру? Кроме того, мне все равно рано или поздно придется встретиться с ними лицом к лицу, когда мы в судебном порядке будем привлекать их за мошенничество.

– Да ты с ума сошла! Какие, к черту, суды? Эти ребята не любят слово «суд» или «прокуратура». С ними надо договариваться.

– Но как, если у нас нет ни единого доказательства их причастности к убийству твоей жены. А доверенности ты подписывал сам, тебя никто не заставлял. Они могут найти десяток свидетелей этому. Но сама идея пригласить твоих компаньонов сюда мне понравилась. Ты когда намерен позвонить им?

– Да хоть сейчас.

– Тогда звони. – Она протянула ему телефон. – Меня интересует точное время, чтобы я успела приготовиться.

И когда она произнесла последние слова, Виктору вдруг стало не по себе. Его забила неприятная нервная дрожь, означавшая только одно – страх. А что, если Наталья права, и кто-то действительно решил избавиться от него, для начала убив жену и повесив на него все улики, а потом и вынудив его подписать доверенность? Но кто? Бархатов? Сулейманов? Но зачем же тогда было убивать ни в чем не повинную Ирину? Разве что кто-то знал...

Он и не заметил, как набрал номер своего офиса. Машинально. Так, словно он только вчера был там и ничего особенного в его жизни не произошло. Трубку взяла секретарша, Тамара.

– Фирма «Авиценна» слушает, – приветливо защебетала она приятным высоким голоском.

– Тома? Это я, – сказал Виктор своим обычным голосом, и трубка словно умерла, так стало тихо. – Ты слышишь меня, Тамара?

– Да, Виктор Леонидович. Вы откуда звоните?

На работе и по телефону она всегда разговаривала с ним подчеркнуто вежливо, обращаясь на «вы», и ни разу не выдала ни его, ни себя ни единым словом, ни взглядом. А ведь Тамара была ему близким другом.

– Гасан на месте?

– Нет, не приходил пока. Вам Андрея позвать?

– Позови.

– Минутку.

Он слышал, как она говорила по внутреннему телефону с Бархатовым: «Андрей Николаевич, Кленов на проводе. Хорошо, соединяю».

– Слушаю, – возник в трубке голос Бархатова.

– Андрей? Привет.

– Ты где, Витя? – Андрей закашлялся и довольно долго прочищал горло, прежде чем смог разговаривать.

– Да дома я, что вы все как сговорились... Разговор есть. Вы не подъедете сегодня часов в шесть ко мне? Посидим, поговорим, подумаем, как нам дальше жить.

– Понятно... Значит, к тебе в шесть? Но постой, а куда к тебе?

– Ты что, брат, мой адрес забыл?

– Но ведь... – он, видимо, пытался подобрать слова, чтобы, во-первых, не сказать лишнего, а во-вторых, чтобы выяснить, что имеет в виду Кленов, приглашая их с Сулеймановым к себе в гости.

– Я все потом объясню. Так вы приедете? Ты скажешь Гасану, что я хочу его видеть?

– Да, конечно. Я рад, что ты вышел. До встречи.

Он поторопился положить трубку. *Почему?*

– Ну что? – возникла в дверях Наталья. – Договорился?

– Вроде да. В шесть вечера.

– Вот и отлично. Я приготовлю плов, ты не против?

Он не переставал удивляться ее словам. *Плов? А почему бы и нет?* Он сразу же вспомнил Ренату, которая делала все возможное, чтобы только не принимать у себя ни Гасана, ни Андрея. Рената терпеть не могла, как она выражалась, «мужские посиделки с водкой», а потому, даже когда возникала необходимость встречи, особенно накануне какой-нибудь важной сделки, и когда она понимала, что Сулейманов с Бархатовым обязательно придут к ним домой, старалась под любым предлогом сбежать. Уходила к Ирине или шла в кино. И это при том, что она любила готовить и в принципе была хорошей хозяйкой, умела ублажить гостей чем-нибудь вкусным. «Почему ты так не любишь моих компаньонов?» – сколько раз спрашивал ее Виктор, и каждый раз она только отмахивалась, не считая нужным объяснять свое довольно-таки странное поведение.

– Как ты думаешь, почему Рената так не любила Гасана и Андрея? – он сначала спросил Наталью, а уже потом подумал, стоило ли задавать этот вопрос. *Наталья незнакома с Ренатой, откуда же ей знать ответ?*

– Думаю, она, как животное, которое чует злого человека и не доверяет ему, избегала общества твоих друзей. Она испытывала к ним неприязнь инстинктивно, понимаешь? Наверное, она толком так и не смогла тебе объяснить, почему не хочет видеть их в доме.

– Да, пожалуй, и здесь ты права. Ну что ж, готовь плов, а я пока постараюсь вспомнить и разложить по датам визиты в тюрьму всех тех, кто приходил ко мне туда и что говорил... И, конечно, приму меры к тому, чтобы прекратить действие моей доверенности.

Сказав это, он почувствовал, что начинает пробуждаться от затяжной и болезненной спячки.

– Вот это мне нравится... – Наталья в порыве радостных чувств чуть было не обняла его, но вовремя взяла себя в руки и лишь вздохнула. Она вышла из комнаты, притворив за собой дверь, и Виктор в который уже раз спросил себя, кто эта женщина и как могло такое случиться, что она поселилась в его квартире. И покупала ли она ее вообще? *Не работает ли она на Сулейманова или Бархатова?*

Виктор заглянул на кухню и увидел, как Наталья замачивает рис.

– Я прогуляюсь... – это желание было навязчивым. Ведь с тех пор, как он вышел из тюрьмы, у него еще не было возможности обдумать все то, что с ним произошло и продолжает происходить, словно помимо его воли.

– Прогуляешься? Но куда? – Лицо Натальи приняло озабоченное выражение. Видно, ей было бы куда спокойнее, если бы он оставался дома.

– Просто прогуляюсь. Надо походить, подышать свежим воздухом и подумать о том, как вести себя с этими...

– Я понимаю. Тогда возьми деньги... – Наталья взяла с кухонной полки коробку из-под монпансье и достала оттуда несколько сотенных купюр.

– Спасибо. – Он надел куртку и вышел из дома.

Оказавшись на улице, вдохнул полной грудью холодный морозный воздух и огляделся. Родная улица. Покачивались озябшие ветки деревьев, с неба сыпалась ледяная крупа.

Он пешком дошел до своего гаража, расположенного позади дома, открыл его и вздохнул с облегчением, когда увидел мерцающий в полумраке серебристый автомобиль – почти новый «Мерседес». Наталья не видела, как он доставал из ящика письменного стола ключи от гаража и машины. Как шарил в книжном шкафу в поисках банковских и водительских документов, сберкнижек, при помощи которых он мог бы снять хотя бы часть своих денег, чтобы убедиться в том, что он пока еще не совсем нищ. Все наличные, а это около пятисот долларов и двух тысяч рублей, которые у него были при задержании, исчезли – скорее всего, были украдены работниками милиции. И вот теперь, сидя в холодном салоне своей машины, он спрашивал себя, а принадлежит ли еще ему эта машина? И хотя свидетельство о регистрации имелось, что означало, что он по-прежнему является хозяином машины, он теперь постоянно ждал какого-

то подвоха, какой-то неприятности, очередной подножки. Прошло десять месяцев, а он так и не понял, что же произошло с ним и его семьей, с Ренатой двадцать пятого декабря тысяча девятьсот девяносто седьмого года? Кому понадобилось разрушать и без того полуразрушенный брак и разорять его? Кому они с Ренатой перешли дорогу? Кому помешали? И если кто-то хотел опустить и смешать с грязью его, то зачем было убивать жену? Убили бы самого Виктора Кленова. Так нет же, убили молодую женщину – его жену. Да еще и Ирину.

Странное чувство охватило его, когда он завел свою машину. Она послушно завелась, словно вспомнив ласковые руки хозяина. Бак был почти полным. Сейчас, по прошествии столь долгого времени, он, конечно, не помнил, когда запралял машину бензином последний раз. Хотя его автомобилем наверняка пользовалась Наталья. А почему бы и нет? Ключи она не могла не видеть...

И тут вдруг ему стало жарко. До него только сейчас начало доходить, какие же подлые люди окружали его, пока он был на свободе. Они продали его квартиру вместе со всем, что в ней находилось, вплоть до его трусов и документов. Как же так? И кто посмел так гнусно поступить с ним? Кто?

Ответ он получит уже сегодня вечером, когда увидит Сулейманова и Бархатова. Но придут ли они? Посмеют ли? Ведь, если они так с ним поступили, значит, были уверены в том, что он либо совсем не выйдет из тюрьмы, либо выйдет инвалидом или сумасшедшим, то есть человеком, которому совершенно безразлично, где и как он будет жить. Но откуда у его компаньонов такая уверенность?

Он выехал из гаража, вышел из машины и вернулся, чтобы запереть его. И вдруг увидел лыжи. Старые лыжи. В эту минуту он вдруг увидел в них те самые, на которых не так давно каталась такая неспортивная и ленивая Рената и, стоя на которых, погибла от пули неизвестного. Искушение разломать их и сжечь, как напоминание о трагедии, прямо сейчас, немедленно, было велико. Виктор едва сдержал себя от этого глупого и импульсивного поступка. Он отвел глаза от одиноко стоявших в углу лыж, запер гараж, сел в машину и поехал на Студеную улицу.

5. Живая кукла

Борис Ефимович налил Але немного вина и, отойдя на несколько шагов от столика, у которого она сидела в кресле, поджав под себя ноги, залюбовался ею.

– Ты очень красивая, Аля. Твой отец нисколько не преувеличивал твою красоту, когда описывал тебя.

– Откуда вы знаете моего отца?

– Ниоткуда. Так, случайное знакомство. Но если уж ты действительно хочешь знать, то я отвечу тебе. Я – брат той женщины, у которой он жил. Твой отец – нехороший человек, и ты сама должна это понимать. Он – страшный эгоист, человек, привыкший жить за чужой счет... Он ограбил мою сестру.

– Мне бы не хотелось...

– Хорошо, я понимаю твои чувства и уважаю их. Но на этот раз его эгоизм обещает дать хорошие плоды. Я никогда не причиню тебе вреда, я буду заботиться о тебе, и ты очень скоро поймешь, как тебе повезло, что твой отец познакомил нас.

Она подняла на него глаза. Сколько она знала мужчин, все они были устроены просто. В отношении с женщиной им нужна была лишь сама женщина, и больше ничего. Удовлетворение основного инстинкта плюс тугий кошелек – и мужчина счастлив. Але же хватило бы набитого деньгами кошелька, настолько ее не интересовали мужчины. Все ее мечты всегда сводились к деньгам. Потому что за деньги можно было купить все. Сначала квартиру, куда бы она никогда не пустила отца, а затем мебель и ковры – все то, чего ей так не хватало в их берлоге. С неиссякаемой суммой на еду и одежду она бы жила спокойно, никому не причиняя вреда, и вела бы почти растительный образ жизни, улаживая себя вкусной едой и телесериалами. Мужчина же, который стоял перед ней, откровенно разглядывая ее и явно любуясь ее раздумавшимся лицом и блестящими растрепанными волосами, обещал ей что-то смутное, говорил загадками. Но даже эти скупые слова, которые он произносил, напомнили ей призрачную мечту о сытой и спокойной жизни. *Что ему надо от меня?*

Борис Ефимович, вы мне нравитесь и кажетесь мне добрым и хорошим человеком. Вот только объясните мне, что я должна буду делать здесь у вас... Я – взрослая девочка, но никогда еще отец не поступал со мной вот так, оставляя одну на растерзание мужчине. Мне немного страшно. Вы будете моим любовником? Или вы будете приглашать к себе своих друзей, которые будут меня по очереди...

Все это она хотела спросить у него, но не спросила. Отпила еще вина и тихонько вздохнула, боясь представить себе, что ожидает ее сегодня ночью.

– Ты о чем-то задумалась? – Он подошел к ней и ласково провел рукой по ее волосам.

– Я? Да... немного задумалась. Хотя думать-то мне совсем ни к чему. Ведь мужчины не любят, когда женщины думают.

– С чего ты взяла?

– С того. Зачем мужчине думающая женщина? Чтобы задавала вопросы, на которые неприятно отвечать?

– Ты бы хотела и мне задать такие вопросы?

– Нет. Думаю, что все ответы мне заранее известны. Разве что самый простой: я должна еще и убирать вашу квартиру?

– Что значит «еще»?

– Это значит, что я буду спать с вами, а еще и убирать квартиру? – последние слова просто застревали у нее в горле.

Он чуть отстранился от нее, погладил свою бородку и сложил руки у себя на животе.

– У меня есть домработница, которая приходит в определенные дни и убирается, готовит, – ответил он ей с достоинством. – И ты вовсе не должна спать со мной. Ты нужна мне для компании. Мы будем с тобой разговаривать, ходить в театры, ездить, куда тебе захочется. Я слишком стар для того, чтобы стать твоим любовником. И хотя иногда у меня и возникают определенные желания, но крайне редко, и они легко проходят...

– Но ведь вы же заплатили моему отцу деньги...

– Правильно. Я заплатил ему за то, что он привел тебя ко мне, и за то, что в моем доме отныне будет жить красивая девушка. Ты будешь украшать мою жизнь, а мне будет доставлять удовольствие заботиться о тебе.

– Но существуют же какие-то условия моего пребывания здесь?

– Да, существуют. Я бы хотел, чтобы ты постоянно проживала у меня, чтобы ходила со мной всюду, чтобы тебя видели мои друзья. Мне хочется оживить свою жизнь, понимаешь? Я долгое время болел, и мне тогда казалось, что жизнь закончилась, что теперь все мои усилия будут направлены лишь на то, чтобы вовремя принимать лекарства и делать уколы, ездить на массаж и все такое прочее... Но судьба распорядилась иначе, и я чудесным образом излечился от болезни. Прошел год, и я вновь почувствовал в себе желание жить и наслаждаться жизнью. У меня много денег, я богат, у меня есть любимое дело, и единственно, что так удручало и удручает меня по сей день, это полное одиночество. Моя сестра Маргарита – довольно странный человек. Она влюбилась в твоего отца и потратила на него огромную сумму денег. Но она не из тех, кто плачется в жилетку даже собственного брата. Хотя я – единственный близкий ей человек на всем белом свете. Твой отец... – он хмыкнул и покачал головой. – Так вот. Вскоре после того, как твой отец ее бросил, ей крупно повезло – она выиграла в карты сумму, намного превосходящую ту, что потеряла благодаря твоему отцу, и теперь ее не выманишь из казино. Она – конченый человек, игрок, и этим все сказано. Я и раньше-то никогда не мог рассчитывать на ее помощь, даже когда тяжело заболел, а что говорить сейчас?! Она думала, что раз у меня есть деньги, то этого достаточно для того, чтобы подняться на ноги, поэтому даже не навещала меня. Но, если бы она приходила ко мне в больницу, разговаривала со мной, подбадривала, я бы поднялся намного раньше. Человеческое участие и любовь не покупаются. А вот мы с Марго, выходит, совершенно чужие друг другу люди.

– Вы познакомились с моим отцом у нее дома?

– Да, у Риты был день рождения.

– Понятно. И что же вам сказал мой отец?

– Он был пьян и сказал, что у него есть красивая дочь, которая могла бы составить мне компанию.

– Вот прямо так и сказал?

– Да. Еще сказал, чтобы я не говорил сразу «нет», чтобы подумал прежде, чем отказываться. Сначала я разозлился на него. Не каждому, знаешь ли, понравится, когда его принимают за ловеласа, бабника. Вот и мне стало не по себе, когда я услышал от него такого рода предложение. Но потом я много думал об этом и пришел к выводу, что ничего особенного в том, что со мной будет жить юная особа, нет. Что это одинаково удобно и приятно и мне, и ей. То есть тебе. У тебя будут деньги, а у меня – ты. И если мы поладим, то впоследствии я смогу даже купить тебе квартиру и даже выдам замуж...

– Но зачем это вам?

– Если я скажу, что многие одинокие люди заводят себе собак, ты обидишься?

– Да, обижусь. Значит, вы хотите вместо домашнего животного завести *меня*?

– Я бегу от одиночества, пойми. И мне куда интереснее наблюдать за жизнью человеческого существа, чем за собакой или кошкой. Ты не должна забывать и о том, что людям свойственно привязываться друг к другу. А что, если мы станем друзьями, и тебе будет приятно находиться рядом со мной?

Слушая его, Аля подумала о том, что такому человеку, как он, не нужна девушка на час или даже на ночь.

– Это сейчас я для тебя никто, чужой мужчина, который непонятно что хочет от тебя, – продолжал он с жаром. – А пройдет время, и ты сама не пожелаешь уйти от меня...

Аля вдруг почувствовала страшную усталость, как если бы она весь день проработала на свежем воздухе. На самом деле ее усталость была реакцией на нервный шок. Меньше всего она предполагала увидеть в роли своего содержателя такого приятного, чистого и благородного человека, каким ей уже сейчас представлялся Борис Ефимович. Даже его откровенное признание, в котором он, по сути, сравнил ее с домашним животным, не отвратило ее от него, а, наоборот, возвысило Бориса Ефимовича в ее глазах. Она и не представляла себе, что люди могут настолько раскрываться.

– Я вижу, ты хочешь спать. Пойдем, я покажу тебе ванную, твою комнату и даже халат, который я купил специально для тебя.

Она поднялась с кресла и, пошатываясь, пошла за ним в ванную комнату. Там на двери висел длинный махровый халат, новый, белоснежный с голубой вышивкой.

– Ты не возражаешь, если я помогу тебе? – услышала она и покраснела, хотя к тому времени уже предчувствовала, что Борис Ефимович сам, лично захочет мыть ее, как большую и новую, только что купленную им куклу.

– Нет, не возражаю...

Он помог стянуть ей свитер и зарылся лицом в ее теплые волосы. Глубоко вдохнул их запах и обнял ее.

– Я и мечтать не мог о таком счастье.

И ей даже показалось, что он всхлипнул.

6. Мертвая квартира

Ключи от квартиры, находящейся на улице Студеной, Виктор никогда не держал дома. Рената была внимательным и дотошным человеком, а потому присутствие у мужа в барсетке ключей непонятного происхождения насторожило бы ее. Поэтому ключи он прятал неподалеку от двери, в небольшом углублении над электрическим щитом, замаскированном куском старой фанеры. Виктор остановился перед этим самым электрощитом и спросил себя, а что он будет делать, если ключей не окажется там? Он готовил себя к самому худшему. Но ключи оказались на месте. Он оглянулся, как если бы собирался проникнуть в чужую квартиру, и быстро дрожащими руками принялся отпирать многочисленные замки. На том, чтобы замков было много, настаивала Ирина. Ирина Пчелинцева. Она почти за год до смерти стала любовницей Виктора, и они прилагали немало усилий, чтобы их роман держался в тайне. Никто из их знакомых не знал о существовании этой квартиры и о том, что Ирина в ней фактически жила. За год квартира наполнилась дорогой техникой, красивыми вещами, и Ирина сама, в порыве инстинкта самосохранения, время от времени покупала новые замки и просила мастера врезать их. Она страшно боялась квартирных воров, о которых знала преимущественно из криминальных телевизионных сводок, и ужасно сожалела по поводу того, что не может завести злобную сторожевую собаку. Собака бы требовала ухода и постоянного присутствия в квартире хозяев. Кроме того, ее надо было бы выгуливать по три раза в день, а это рано или поздно привело бы к контакту с остальными «собачниками» двора. Ирина же с Виктором вели такой образ жизни, при котором следовало избегать каких бы то ни было знакомств.

Их отношения начались в один прекрасный день, когда Рената, пригласив к себе на вечеринку художников, скульпторов и писателей, решила поиграть в богему. Во всяком случае, именно так это выглядело в глазах загруженного работой и сильно уставшего в тот день Виктора. Он не понимал, что делает в его чистой и просторной квартире свора бородатых пьяниц, обуреваемых желанием напиться, нажраться и наплевать ему же, хозяину, в рожу. Люди искусства всегда раздражали Кленова. Он не понимал, как можно рассуждать о поэзии Пушкина или Пастернака или живописных полотнах Дали или Ренуара, показывая гнилые зубы и брызгая зловонной слюной во все стороны. Сальные волосы, заляпанные чем-то брюки и толстые свитера, связанные из грубой шерсти, нездоровый, шизофренический блеск в глазах и готовые сорваться с языка оскорбления в адрес разбогатевших людей – вот какими видел Виктор так называемых представителей богемы.

В отличие от мужа, Рената боготворила эту художническую братию, привечала их, давала денег. Нравилось ей и собирать их у себя. Она основательно готовилась к приходу гостей, накрывала стол и весь вечер слушала их пьяные разговоры, после чего наступала торжественная минута, когда она с таинственным видом доставала свои собственные живописные полотна или приносила выполненные из глины композиции, чтобы показать их и услышать оценку. Понятное дело, что объевшиеся икрой и блинами художники хвалили ее работы, но к утру, как правило, этот оскотинившийся сброд начинал густо поливать грязью все ее творения. Слышались даже оскорбления в ее адрес, советы заняться домашними делами и не совать нос в святую святых, и тогда Рената, задыхаясь от злости, вышвыривала гостей из своей квартиры и с криками: «Да вы просто завидуете, убудки!» – рыдала на кухне, обнявшись с пустой банкой из-под маринованных огурцов. В такие минуты Виктору было жаль жену. Он понимал, что она пытается найти себя в искусстве, что это наполняет ее жизнь смыслом. Он помогал убирать квартиру, отмывая полы от грязи и рвотных масс, проветривая комнаты от дыма и тошнотворного запаха перегара. Но проходило время, и Рената, наработав еще несколько полотен, вновь была готова к встрече с ценителями прекрасного...

И вот в один из таких вечеров у них появилась Ирина Пчелинцева, Ренатина подруга. До этого она никогда не присутствовала на подобных сборищах, и Виктор подозревал, что она относится к этой богемной публике примерно с таким же презрением и непониманием, как и он сам, и что пришла она исключительно ради того, чтобы поддержать подругу.

Виктор давно был знаком с Ириной, она часто бывала у них в доме, нередко оставалась ночевать, но никогда он не обращал на нее внимание как на женщину. Возможно, это происходило потому, что она – самая близкая подруга Ренаты, и уже эта психологическая установка не позволяла взглянуть на нее другими глазами. Но в тот вечер у него с Ириной произошел один инцидент, который и положил начало их близким отношениям. Рената к тому времени уже почти полгода как не спала с мужем, ссылаясь то на депрессию, то на какие-то несуществующие болезни, поэтому, когда случайно задержавшийся на кухне Виктор почувствовал, как его кто-то обнимает сзади, реакция последовала незамедлительно. Он, уверенный в том, что это Рената, так же, не поворачиваясь, отвел свои руки назад и принялся гладить бедра стоявшей за его спиной женщины. И Рената, и Ирина были хрупкими и стройными женщинами, поэтому он не сразу понял, что гладит вовсе не жену. Когда же, повернувшись, он встретился взглядом с Ириной, то был потрясен. Голова его закружилась, колени ослабли, и он понял, что если сейчас не овладеет этой женщиной, то будет самым несчастным мужчиной на земле. Больше того, ему захотелось, чтобы в тот момент, когда он будет обнимать Ирину, в кухню вошла Рената. Он так хотел увидеть ее лицо в этой ситуации, что, потеряв всякий контроль над собой, прижал порозовевшую Ирину к стене и поцеловал долгим страстным поцелуем.

– Я люблю тебя, – услышал вдруг он ее охрипший от волнения голос и тотчас, словно испугавшись всей серьезности услышанного, отпустил ее. – Вы, мужчины, ничего не замечаете вокруг себя... Я буду ждать тебя через полчаса внизу, в подъезде. Я должна с тобой поговорить. А теперь иди... иди к Ренате. Она не должна ничего знать. Она хоть и не любит тебя, но не потерпит соперницу. Она – собственница.

И она исчезла. Фиолетовое платье растворилось в помутившемся сознании, и он спросил себя, а была ли женщина и не пригрезилась ли она ему?

И почти тотчас на кухню вбежала Рената. Она выглядела счастливой. Лицо ее сияло, губы улыбались.

– Вик, они сказали, что это профессиональная работа, представляешь? Ты рад? Скажи, ты рад за меня?

Тогда у нее были рыжие волосы, а глаза горели ярким зеленым огнем. *Твоя кошка время от времени пользуется цветными линзами?* Эти слова принадлежали уже Ирине Пчелинцевой, когда они много дней спустя лежали на кровати в гостиничном номере. Виктор запомнил даже, что он ответил ей на это. *Она не любит однообразия. Ей нравится постоянно что-то менять. Ты же знаешь, что у нее нет ничего постоянного, кроме меня.*

Сейчас, войдя в квартиру, где проходила его вторая жизнь и где жила его вторая, тайная жена, Ирина, он спросил себя, а чем же он сам отличался от Ренаты? И разве ему не нравилось постоянно что-то менять в своей жизни? Он менял галстуки, зажигалки, переставлял мебель в своем кабинете, что-то обновлял, покупал аквариумы, дошел в своей жажде внести хоть какое-то разнообразие в свою жизнь до того, что купил маленький фонтан, который до сих пор, вероятно, украшает их офис. Да, он многое менял, в том числе и женщин. Но остановился все же на двух: Ренате и Ирине. И вел двойную жизнь. Почти целый год. И разве что не изменил цвет глаз с помощью линз и не перекрасил волосы. *Но я же не голубой. А тогда какой? Чернобелый? Какой? И кто я вообще? Кем стал после того, как у меня кто-то отнял сразу двух моих женщин? И за что?*

Сегодня его ожидало второе потрясение: первое он испытал после того, как вошел в свою, родную квартиру, где он жил вместе с Ренатой. И хотя эта квартира, на улице Студеной, была тоже его (хотя официально была записана на его тетку, жившую в глухой деревне), здесь он

не чувствовал себя как дома. Почему? Возможно, потому, что в этих стенах он постоянно испытывал напряжение, страх. Ведь страшно было даже подумать, как поведет себя Рената, когда узнает о том, что ее муж, Виктор Кленов, изменяет ей с ее же собственной подругой.

Ты знаешь, твоя жена вчера была у меня. Здесь. Такими словами встретила однажды Ирина Виктора, и он едва сдержался, чтобы не наругать ей. *«Ты играешь с огнем, Ира. Тебе не надо было показывать ей эту квартиру. Она может вычислить меня тут даже по запаху. Ты же знаешь, как развито у нее обоняние. Кроме того, мы можем с ней столкнуться здесь, ты не подумала об этом?»* – *«Глупости. Ну, посуди сам, мы дружим с ней. Я прихожу к вам в гости, остаюсь ночевать. Я – ваш самый близкий друг. И как же я не покажу Ренате свою квартиру, не приглашу ее сюда? Это было бы неестественно, и вот тогда бы она меня могла в чем-нибудь заподозрить. Я сказала ей, что родители помогли мне купить эту квартиру, да еще любовник добавил. Ее, надо сказать, мало интересует моя личная жизнь».*

Конечно, она лукавила. Он не мог себе представить подруг, которые не рассказывали бы о своих любовниках, о своей интимной жизни. Он знал, что этим грешат не только женщины, но даже мужчины. Сколько раз в мужской компании выслушивал он интимнейшие подробности личной жизни своих друзей...

В отличие от той квартиры, эта выглядела нежилой. Она пахла осенними листьями. Виктор распахнул все форточки, какие только имелись, заглянул во все комнаты и поразился, как изменилась квартира после ухода из жизни хозяйки. Казалось бы, все вещи оставались лежать на своих местах. Бигуди, пудреница, помада, банка с ватными шариками, пилочка для ногтей... В ванной комнате было особенно душно и сухо. И кран, прежде чем выдать порцию воды, долго плевался ржавчиной.

Хоронили Ирину родители, которые не знали даже этого адреса, где жила их дочь. А потому, подумал вдруг он, глядя на распахнутые дверцы шкафа, ломящегося от нарядов, ее положили в гроб в каком-нибудь старом, давно вышедшем из моды платье. Ведь все самое лучшее она держала здесь, в этой квартире. Старики не вмешивались в жизнь дочери по одной причине: их любопытство гасилось деньгами, которые им давала Ирина.

Время шло, а у него не было сил ни на что. Он курил на кухне, тупо уставившись в окно, за которым шарахались от ветра голые ветки деревьев.

Он в который раз пытался восстановить в памяти весь день двадцать пятое декабря. Где он был? Дома. Ему не здоровилось уже второй день. Был насморк и температура. Но он обещал Ирине покататься с ней на лыжах. Хотя терпеть не мог ни лыж, ни коньков. Он любил плавать и бегать. У него даже лыж не было, так Ирина купила ему лыжи, и они несколько раз выезжали в тот самый лес, вернее, посадки, расположенные почти в центре города, возле экспериментальных полей одного из сельскохозяйственных научных институтов. Это было довольно пустынное, но очень зеленое место, где поля перемежались хвойными посадками, рядами дикой смородины и заброшенными одичавшими яблоневыми садами. Зимой это место оживлялось, лыжники прокладывали лыжню, и горожане проводили здесь свои выходные. Ирина, натешив свое самолюбие частыми свиданиями с Виктором и убедившись в том, что теперь ее личная жизнь налажена, вдруг принялась всерьез заботиться о своем здоровье. Она словно помешалась на пищевых добавках, витаминах и здоровом образе жизни. Рената лишь посмеивалась над подругой, иронизировала при каждом удобном случае и говорила, что человеку, чтобы быть в форме, совершенно необязательно так истязать себя утомительными долгими лыжными походами, гимнастикой или хлопотными поездками в расположенный в другой части города бассейн. Она была по-своему ленива и считала, что занятия спортом лишь убивают время, которое можно потратить на что-нибудь более полезное и приятное. Рената, в отличие от Ирины, не придерживалась никаких диет и, к счастью, никогда не набирала в весе. Ирине

же, более склонной к полноте (зимой у нее округлялись бедра и появлялся плотный животик), оставалось лишь завидовать стройной подруге. *Однако что-то же произошло в сознании Ренаты, раз она встала на лыжи?*

– Витя, ты не удивляйся, но сегодня мы с Ириной немного покатаемся в посадках. Погода обещает быть солнечной и теплой. Надо же и мне немного подвигаться.

Виктор, услышав такое от своей жены, удивленно вскинул брови:

– Ушам своим не верю. Ты – и на лыжах. Невероятно!

– Лыжи – это лишь средство передвижения. Ирина обещала показать мне вид с одного чудного пригорка. Там полоска леса, одни сосны, а чуть подалее совершенно белое поле, по которому скачут зайцы, и сверху – голубое небо.

– Ты собираешься надеть лыжи только лишь затем, чтобы увидеть поле, сосны и небо? Или надеешься поймать зайца?

Рената улыбнулась:

– Ну, конечно! Что же в этом удивительного? А... – Она отмахнулась от него. – Тебе этого все равно не понять.

– Да уж куда мне.

– Ладно. Объясняю. Я не способна писать пейзаж на морозе, пусть даже и слабым. Поэтому собираюсь прибегнуть к известному способу, довольно распространенному среди художников: я сфотографирую этот пейзаж, чтобы потом с фотографии написать картину, понимаешь?

Однако после того как нашли Ренату, рядом с ней не обнаружили фотоаппарата. Исчезли все ее личные вещи, включая ключи от квартиры, документы, деньги и прочую мелочь, которая была в карманах ее курточки и спортивных штанов. Убийца ограбил и мертвую Ирину.

Мысли его снова вернулись к причине, заставившей Ренату отправиться на лыжную прогулку. *Пейзаж*. Это понятно. Она запросто могла пожертвовать комфортом ради того, чтобы снять на пленку пейзаж и потом, увеличив его, взять его за основу своей будущей картины. Она была вполне искренна в своих творческих порывах, однако не стеснялась признаться в том, что даже ради искусства не способна работать на морозе. Оставался открытым вопрос: кому принадлежала инициатива этой прогулки? Ирине? Вероятнее всего. Хотя Рената тоже могла загореться этой идеей после разговора с каким-нибудь художником, который и надоумил ее отправиться в лес с фотоаппаратом. Да и важно ли теперь, когда их обеих нет в живых, кто из них кого пригласил в лес?

Он вспомнил Наталью и подумал о том, что она все же была права, когда говорила, что ему следует найти убийцу жены. *Но почему*, спрашивал он себя, *я сам-то не хочу знать, кто убил Ренату? Почему?* Потому, что при расследовании может вскрыться тот факт, что он вел двойную жизнь, что у него была любовница, которую тоже убили? Кроме того, когда и следователь, и прокурор задавали ему вопрос, был ли он в лесу в тот злосчастный день, он сказал, что не был, что он находился дома. Скажи он правду, это прозвучало бы как признание. Тем более что нашлись свидетели, которые утверждали, что видели на лыжне мужчину примерно такого же телосложения, что и он, и в подобном свитере фирмы «Рибок» – белом, с темно-синим орнаментом – и темно-синей вязаной шапочке.

А ведь он был там. Он пришел туда, в лес, как и было условлено с Ириной. Хотя на следствии упрямо твердил, что его в лесу не было, что он был дома. Но не мог же он рассказать следователю всю правду о том, что в назначенный час он пришел с лыжами в лес, надел их и минут двадцать катался, ожидая Ирину. А когда замерз и понял, что она уже не появится, решил сделать еще пару кругов по лыжне, чтобы хотя бы немного согреться, и сразу же вернулся домой. Он боялся подхватить воспаление легких. Ведь он вышел из дома с температурой. Тот факт, что вместе с его любовницей катается его жена, несколько не тревожил его:

Рената подумает, будто он приехал в лес ради нее. Но все это было очень странно. Сначала Ирина зовет его покататься на лыжах, затем Рената собирается в лес...

Зачем Ирина пригласила его в лес? Может, хотела ему что-то показать? Что-то или кого-то? Кажется, она намекала ему, что Рената будет в лесу не одна... Может, Рената и не собиралась ничего фотографировать, и у нее в лесу тоже была назначена встреча, а Ирина, зная об этом, решила подставить, предать подругу?

Вопросов было слишком много. Виктор достал еще одну сигарету и закурил. После чего взглянул на часы и обмер: половина шестого. Время пролетело в воспоминаниях незаметно. А ведь через полчаса к нему должны прийти его компаньоны. Наталья там, наверное, с ума сходит!

Он кинулся к телефону и позвонил домой.

– Наталья? Ты извини меня...

Но она перебила его:

– Не извиняйся. Никакого ужина не будет. Сулейманова нашли мертвым прямо в своем подъезде. Он убит выстрелом в голову. Мне позвонил твой Бархатов и огорошил этой новостью. Сейчас он у следователя...

«Как ты можешь спокойно жить, зная о том, что у тебя есть реальный враг?»

Похоже, что враг был не только у него...

Он быстро собрался и покинул квартиру.

7. Ураган «Марго»

Вот уже несколько недель Аля Вишня жила как в раю. У Бориса Ефимовича, хотя он и спал с ней в одной постели, обнимая и прижимаясь к ней всем телом, никаких признаков возбуждения не наблюдалось. Похоже, ему нравилось спать с ней действительно просто как с живым и теплым существом. Кроме того, он любил разговаривать с нею, задавал ей множество вопросов о ее жизни, спрашивал о планах и мечтах. Он окружил ее почти отеческой заботой, доставляя ей удовольствие всеми известными способами – покупал одежду, водил в дорогие кафе, кормил деликатесами; получал наслаждение и сам – от созерцания ее обнаженного тела, от общения с ней. Они быстро подружились, и Борис Ефимович доверился ей настолько, что даже показал, где находятся все его наличные деньги. Теперь, когда Аля знала шифр маленького сейфа и во время отсутствия хозяина большой квартиры была предоставлена себе, а, значит, могла в любую минуту сбежать, прихватив всю немалую долларовую наличность, ей почему-то захотелось сделаться для этого доброго и симпатичного человека кем-то большим, чем просто компаньонкой. Понимая, что никаких сексуальных отношений – во всяком случае, в ближайшее время – между ними быть не может в силу его мужской слабости, она видела себя в роли близкого друга Бориса Ефимовича, способного не только скрасить его одиночество, но и своим присутствием наполнить его жизнь смыслом. Но вот как это сделать, она пока еще не знала. Единственно, что она могла, находясь в довольно-таки сомнительном положении содержанки, это дать возможность своему благодетелю почувствовать всю прелесть женского присутствия хотя бы в бытовых вопросах. Поскольку домработница, выполнявшая всю муторную и грязную работу по дому, у него уже была, Аля взяла на себя кухню. Ей нравилось ходить на рынок за продуктами, выбирать все самое лучшее и свежее, чтобы затем, колдуя у плиты, готовить блюда, которые в прежние времена она себе никогда бы не позволила. Ее нынешняя комфортная, безбедная и спокойная жизнь настолько отличалась от прежней, что Аля не только благодарила судьбу за то, что ей послала такого человека, как Борис Ефимович, но даже стала испытывать чувство, похожее на страх. Страх все потерять. Она боялась отца, боялась, что он может все испортить, опозлить. К примеру, он заявит к Борису Ефимовичу, чтобы снова потребовать деньги за то, что он отдал ему на время свою дочь. Или, что тоже вполне возможно, вздумает вернуть Алю обратно, домой, станет угрожать Борису Ефимовичу или шантажировать его, требуя денег. Но время шло, от отца не было никаких известий. Он даже ни разу не позвонил, чтобы справиться, как там живетя дочери, хорошо ли с ней обращаются. Это означало одно: *пока* у него есть на что жить. Наверное, у него еще не кончились те деньги, что заплатил ему Борис Ефимович. Но могло статься, что отец нашел опять какую-нибудь женщину и теперь уже с нее тянул деньги.

Однажды вечером, за ужином, Борис Ефимович обратился к Але с просьбой.

– Алечка, дорогая, если вдруг, когда меня не будет дома, сюда придет моя сестра, та самая женщина, с которой жил твой отец...

– Маргарита? – Аля хорошо запомнила, как зовут его сестру, и при ее упоминании сразу же представила себе зеленое сукно с рассыпанными по нему картами, сизое облако дыма над головами игроков казино и, конечно же, звонкую, нервную рулетку.

– Да. Она, возможно, не знает о том, что ты здесь, у меня. И поэтому в твоём лице может увидеть человека, более близкого мне, нежели она. Рита – человек взрывной, импульсивный и ревнивый. Она привыкла к тому, что я уже много лет живу один, поэтому появление в моем доме такой красивой девушки, как ты, скажет ей лишь о том, что теперь мне есть на кого тратить деньги. Те самые деньги, за которыми она рано или поздно придет ко мне. Ведь она – частый гость в казино, я тебе говорил...

– Игрок, да, я знаю. И что же, она посмеет прийти сюда, чтобы просить у тебя денег?

Борис Ефимович сам предложил ей обращаться к нему на «ты». *«Так мы будем ближе, Алечка!»*

– Скажет, что в долг, разумеется, но так и не отдаст их. А я теперь стал умным. И не собираюсь пускать деньги на ветер. У меня теперь есть ты. Зима на носу, и я хотел бы купить тебе шубку, теплые ботинки, опять же кое-что по мелочи, вроде колечка или брошки. Мне ужасно нравится делать тебе подарки... Так ты все поняла?

Слушая его, Аля просто млела от счастья и не верила своим ушам: шубка, ботинки, колечко!

– Поняла, конечно. Но как же... Значит, она позвонит, я подойду к двери, загляну в глазок... И как я ее узнаю?

– А ты спросишь, кто это. Она непременно скажет, что она моя сестра. Вот увидишь. Даже в нетерпении еще несколько раз нажмет на звонок. Но ты ей спокойно, не открывая двери, ответишь, что меня дома нет, и если она хочет меня увидеть, то пусть приходит вечером.

– Хорошо, я так и сделаю. Надеюсь, она не снесет дверь.

И в тот же вечер Борис Ефимович повез Алю в город покупать шубу. Судя по тому, как он уверенно и легко поднялся на крыльцо одного из магазинов, расположенных неподалеку от городского театра, Аля поняла, что ее благодетель заранее позаботился обо всем и предусмотрительно выбрал магазин, где и планировал сделать ей подарок. Все еще не привыкнув к мысли, что теперь она не просто нищая парикмахерша Аля Вишня, а подруга одного из состоятельных людей города, владельца сети магазинов, торгующих тропическими растениями и аквариумами, она некоторое время стояла в нерешительности перед кронштейнами, на которых висели шубы. Ей всегда нравилась норка, светлая, ореховая, но теперь, когда она увидела столько чудесных шуб, она немного растерялась. Девушка-консультант бросилась ей на помощь. И через некоторое время Аля вертелась уже перед зеркалом в длинной норковой шубке с капюшоном и не верила, что стоит ей сейчас сказать «да», как эта восхитительная вещь будет принадлежать ей. Она даже сможет покинуть магазин в этой шубе, приказав запаковать ее старое, скромненькое осеннее пальто.

– Ну как, Алечка, тебе нравится? – Борис Ефимович погладил свою бородку. Видно было, что ему доставляет удовольствие наблюдать за Алей, примеряющей меха.

– А тебе? – покраснела она, потому что это «тебе» далось ей с трудом. Но рядом стояла девушка-консультант, и лишь для нее Аля постаралась произнести это сближающее ее с Борисом Ефимовичем слово, как бы демонстрируя легкость и спокойствие, свойственные женам или любовницам, с которыми и делаются подобного рода покупки.

– Мне – очень. Тебе идет эта шубка, – и он с присущей ему основательностью внимательнейшим образом осмотрел все швы шубы, подкладку и даже погладил мех. – А теперь давай посмотрим шапочку.

Они вышли из магазина спустя полтора часа. На Але была новая шубка, веселая норковая шапочка, в тон шубе, а на ногах – высокие ботинки на меху.

– Знаете, я никогда еще не была так счастлива, – сказала она, прослезившись, Борису Ефимовичу и поцеловала его в румяную щеку. – Только мне постоянно кажется, что я сплю. Что все это происходит со мной во сне. Ну подумайте сами... – они уже сели в машину и медленно покатали вдоль заснеженного тротуара в сторону дома, – жил человек, никому не нужный, и вдруг... Зачем вы тратите на меня такие большие деньги? Какой вам прок во всем этом?

– Ты нравишься мне, Аля. Не знаю, как тебе это объяснить, но я даже и не представлял, что твой мерзавец отец подарит мне встречу с таким сокровищем, как ты. Разве тебе никто не говорил, что ты очень красива?

– Говорили. Но шуб почему-то не дарили, – она почувствовала, как кровь прилила к лицу. Она только что призналась в том, что у нее были мужчины, но такие, которые не смогли по

достоинству оценить ее красоту. А как бы ей хотелось, чтобы вся ее прошлая жизнь никогда не всплывала в памяти. Ведь ничего хорошего, чистого и благородного в общении с мужчинами у нее не было. Так, случайные встречи, несколько аборт и сплошные разочарования...

– Я должен признаться тебе, Алечка, что за то время, что мы живем с тобой вместе, я словно помолодел. Понимаю, мои слова воспринимаются тобой с насмешкой. Нет, нет, не торопись отрицать. Ты еще молода, чтобы по-настоящему оценить мои откровенные признания. Лишь человек, переживший столько потрясений, сколько я, почуявший запах приближающейся смерти, способен понять, как глубоки и чисты мои чувства по отношению к тебе и как я благодарен тебе за то, что ты живешь со мной, говоришь со мной, что позволяешь спать в одной постели с тобой. Когда я глажу твое тело, я испытываю к тебе невероятную нежность. Ты понимаешь меня?

Он привлек ее к себе и поцеловал.

На лестничной клетке их поджидала женщина. Высокая, элегантная, в шляпе и длинном пальто. Лицо ее, сильно напудренное и пахнувшее чем-то сладким и фруктово-душистым, было бледным. Огромные, непонятного цвета глаза смотрели куда-то в пространство. Женщина обладала мощной энергетикой, она чуть ли не пританцовывала – не могла устоять на месте и находилась в постоянном движении.

– Борис, наконец-то! Я жду тебя битый час. Где тебя носит? Мне срочно надо поговорить с тобой. А это кто? – уставилась она на Алю.

– Это Аля. Аля, это Маргарита, моя сестра.

Представляя Але сестру, Борис Ефимович даже отвернулся, не в силах сдержаться, чтобы не продемонстрировать, насколько ему неприятна эта встреча, этот визит.

– Ну и что ты нос от меня воротить? То же мне, братец. Да что бы ты делал без меня? Давно бы уже ноги протянул. А вы, девушка, кем ему приходиться? Сиделкой? Домработницей? Хотя... – Она смерила Алю с головы до ног тяжелым взглядом и фыркнула: – Не думаю, чтобы домработницы носили такие шубы. – И, уже обращаясь к брату, насмешливо: – Это твоя любовница, что ли?

– Рита, не смей так разговаривать со мной.

– Ладно, успокойся. В сущности, это твое личное дело, заводить себе любовницу или нет. У меня проблемы. Большие. Я в безвыходном положении...

Борис Ефимович уже открыл дверь, и они все вошли в квартиру. Сначала он, затем ворвалась Маргарита и только потом – Аля.

– У тебя есть что-нибудь выпить?

Маргарита как ураган промчалась на кухню, раскрыла буфет и достала оттуда сразу несколько бутылок. Смешала разноцветные напитки в большом бокале, бухнула туда вынутые из морозилки и вытряхнутые из пластиковой решетки кубики льда и выпила эту гремучую смесь. Крякнула и вытерла ладонью рот. Аля, наблюдая эту сцену, подумала о том, что у Маргариты не одна проблема, а две как минимум: помимо карточного долга, который и привел ее к брату просить деньги, она еще и пьет.

– Мне надо две тысячи баксов. Пожалуйста. Я сегодня же отыграю.

– У меня нет денег. – Борис Ефимович вошел на кухню и, вытянув руки по швам, словно признаваясь в содеянном преступлении, опустил голову. – Ты слышишь меня, Марго? Денег нет.

– Борис, хватит. У меня действительно серьезные проблемы. Мне срочно нужны деньги, иначе... – Она состроила страдальческую гримасу. – Ты же знаешь, что с этими людьми шутки плохи.

– Марго, я теперь живу не один, у меня расходы, ты должна понять. Поэтому поищи, у кого занять, в другом месте.

– Но мне же никто не даст! – Глаза ее округлились. – Ты что, издеваешься надо мной? Смеешься?

– Я не смеюсь и тем более не издеваюсь. Ты – азартный человек, Марго, но я не могу содержать тебя, взрослую женщину.

– Я отыграю, ты же знаешь...

– Все эти разговоры бесполезны, потому что денег я тебе все равно не дам.

Маргарита резко повернулась и, вперив в Алю полный злости взгляд, стиснула кулаки.

– Да что же это такое получается? – тут же, словно придя в себя, набросилась она снова на брата: – Ты содержишь какую-то шлюху, а на родную сестру у тебя денег нет? Ведь и эту шубу, наверное, ты ей купил? Я что-то ничего не понимаю... Борис, но ведь две тысячи долларов для тебя не деньги! Что случилось?

– Я не обязан отчитываться перед тобой. Марго, пожалуйста, оставь нас.

В его голосе прозвучала такая твердость, что даже Марго поняла, что сегодня у нее уж точно ничего не получится и что денег ей никто не даст.

Она молча повернулась на каблуках и буквально вылетела из квартиры. Хлопнула дверь, и стало необыкновенно тихо.

– Слава тебе господи, – перекрестился Борис Ефимович и обнял Алю. – Не обращай внимания. Марго – это стихийное бедствие. И никуда от нее не денешься. Поэтому-то я тебя и предупредил насчет нее. Не открывай ей дверь ни под каким предлогом. Она – больной человек, и, когда ей нужны деньги, она становится почти невменяема.

– Она пьет?

– Раньше не пила, но сейчас все чаще и чаще прикладывается. Давай забудем о ней хотя бы на сегодня.

– Давайте.

Но только она это произнесла, как в дверь позвонили.

– Вы откроете? – Аля от неприятного чувства досады или даже страха почти втянула голову в плечи: так ей не хотелось снова видеть перед собой эту разъяренную картежницу.

– Дело в том, что, если я не открою, она будет звонить до посинения, до утра. Я знаю свою сестру. С ней лучше договориться, в чем-то ее убедить, только бы она оставила нас в покое.

Он открыл, но вместо Марго они увидели на пороге отца Али – Вениамина. Его синие глаза смотрели только на Алю.

– Как дела, малышка? – улыбнулись его губы.

– Папа. – Аля почувствовала, как внутри ее все задрожало, а по телу разлилась слабость. – Папа, у меня все хорошо. Ты не должен был сюда приходить. Ты мог бы позвонить.

Вот теперь Вениамин перевел взгляд своих немигающих глаз на Бориса Ефимовича.

– Мне нужны деньги. Вам хорошо: вы вдвоем, сыты, одеты... – Он скользнул взглядом по шубе, в которой еще оставалась его дочь. – А я совсем один, у меня кончились деньги.

– Но мы тебе ничего не должны... – Ей было нестерпимо стыдно перед Борисом Ефимовичем за отца. – Мы не обязаны содержать тебя...

Она поняла, что только что повторила мысль, высказанную Борисом Ефимовичем и обращенную к его сестре. *И что это за вечер сегодня? Все требуют денег, да еще с таким нахальством, словно мы и правда кому-то страшно задолжали.*

– Не надо, Алечка. Я дам ему денег. Но это будут последние деньги...

Аля видела, как отец принял из рук Бориса Ефимовича две стодолларовые бумажки, и ее передернуло от отвращения.

– Надеюсь, в этом доме с тобой хорошо обращаются? – улыбнулся одними губами Вениамин и привычным жестом, обеими ладонями, пригладил отросшие почти до плеч черные

густые с проседью волосы. После чего, так и не дождавшись ответа, повернулся к ним спиной и вызвал лифт.

8. Татарская кошка

– Теперь ты понял, насколько все серьезно? Сначала они убили твою жену и ее подругу, теперь вот Сулейманова...

Они вдвоем на кухне ужинали пловом, тем самым, которым Наталья собиралась угостить его компаньонов. Выпили по рюмке водки и теперь говорили об убийстве Сулейманова.

– Гасан был неплохим парнем, и, когда ты говорила мне о том, что это они с Андреем все подстроили, чтобы избавиться от меня, мне становилось не по себе. Ведь прежде, чем согласиться работать с ними, я все тысячу раз обдумал. Стал бы я вкладывать деньги, если бы не был уверен в этих ребятах? У нас как-то сразу все заладилось, наш бизнес быстро пошел в гору. И я до сих пор не могу поверить, что они за моей спиной рыли мне, по сути, могилу. Зачем им это? Ну, были у нас какие-то разногласия, но не смертельные, можешь мне поверить. Рано или поздно мы бы договорились. Ведь у нас была одна цель – прибыль.

– Тебя послушать, так у вас было все замечательно. Спрашивается, кто же тогда мог так подставить тебя и повесить на тебя убийство Ренаты? Не хочешь же ты сказать, что ее убил какой-нибудь маньяк, сумасшедший, который в тот день прогуливался в лесу...

– В тот день прогуливаться в лесу было невозможно, так как было много снега. Убийца был *на лыжах*. Ведь лыжня сохранилась, и вокруг нее не было следов от ног. Если бы убийца был без лыж, то весь его путь в лес был бы отмечен глубокими следами. Он бы проваливался чуть ли не по пояс, прогуливаясь, как ты говоришь, по лесу.

– Но ведь потом пошел снег...

– Правильно, пошел снег и замел довольно много следов, но все они были направлены в сторону Ботанического сада. То есть лыжники ближе к вечеру сняли с себя лыжи и уже пешком отправились к автобусной остановке. И точно так же несколькими часами раньше они пришли на развилку, от которой начинается лыжня. Но возле Ренаты и Ирины таких следов не было. Разве что большие вмятины на снегу... Но ведь там было совершено убийство и, возможно, перед тем, как погибнуть, девушки защищались, даже боролись. Во всяком случае, Ирина лежала чуть подальше от Ренаты, и это именно вокруг ее тела была вытоптана довольно большая площадка.

– Но раз нет следов ног, значит, убийца действительно укатил от места преступления на лыжах. А поскольку нашлись свидетели, которые описали твой свитер... Ладно, извини. Постарайся и меня понять. Ты вот сказал, что прежде, чем начать новое дело и вложить туда все свои деньги, а то и взять кредит, ты сделал все возможное, чтобы узнать о своих будущих компаньонах все. Прежде всего, они должны были быть надежными, ведь так? Вот и я пытаюсь разобраться, имеет ли смерть твоей жены отношение к твоему бизнесу, потому что тоже хочу быть уверенной в том, что завтра и тебя не пристрелят...

Он понимал ее волнение, но сама мысль о том, что его все еще подозревают, действовала на нервы. *Но ведь Сулейманова же убили!*

– Спасибо за плов. – Он поднялся из-за стола. – Пойду прогуляюсь.

– Снова на вокзал? – Он так и не сумел определить по интонации, прозвучало ли в ее вопросе презрение, или же она расстроилась, что он уходит из дома.

Но он не собирался на вокзал, у него были другие планы.

– Нет, просто подышу воздухом около дома. Если хочешь, пойдём со мной.

Он сказал это нарочно, потому что знал, что Наталья никуда с ним не пойдет: она только что вымыла голову и искупалась.

– Нет, иди один. Только прошу тебя, не ходи на вокзал. Это пошло. Ты подцепишь там какую-нибудь заразу...

– Я не пойду на вокзал, – огрызнулся он. – Говорю же, погуляю возле дома.

И он снова, как и утром, быстро вышел из дома. И первое, что сделал, оказавшись на улице, это остановил машину и назвал адрес секретарши Тамары.

Она жила возле церкви, недалеко от центра, в тихом, окруженном парком, месте, в двухэтажном, старой застройки, доме. Машина остановилась у единственного на весь двор фонаря, освещавшего детскую песочницу и новую желтую скамейку. Стены дома, построенного буквой П, сейчас напоминали рыхлый бисквит – настолько выкрошен и изъеден временем был кирпич. Но окна с белыми наличниками светились по-прежнему уютно и словно приглашали его войти в дом.

Он и раньше приезжал к Тамаре, но довольно редко. И не всегда затем, чтобы обсудить дела. Тамара – темпераментная татарочка с раскосыми черными глазами, широкими скулами и смуглой гладкой кожей, всегда была рада его приходу, и стоило ему только войти в переднюю, как она тут же запирала дверь на все замки. И уже от одного лишь звона ключей Виктор возбуждался. *Мы одни, и никто нам теперь не сможет помешать.* Они не сразу ложились в постель, сначала Тамара быстро, как это умела делать только она, накрывала на стол и лишь после небольшой трапезы задерживала шторы на окнах своей маленькой квартирке и раскрывала Виктору свои горячие объятия. Он был уверен, что точно так же она принимает у себя и Сулейманова, и Бархатова, но они никогда не затрагивали эту тему. Виктор ее ни к кому не ревновал и воспринимал Тамару просто как женщину, способную удовлетворить его по первому требованию. Сейчас, вспоминая свои свидания с ней, он спрашивал себя, почему же он не приехал к ней вчера, почему, сгорая от желания, пошел на вокзал и позволил прикасаться к себе какой-то малолетке с пьяными глазами, вместо того чтобы провести ночь в постели с ласковой и безотказной Тамарой?

Он подошел к двери, ведущей на второй этаж, где жила Тамара, и толкнул ее. Она, как всегда, оказалась открытой. Тусклая лампочка освещала узкую деревянную лестницу этого старого, готового развалиться, купеческого дома. Виктор Кленов поднялся по скрипучим ступенькам и позвонил в дверь со старинной табличкой, еще сохранившейся с дореволюционных времен: «Доктор по внутренним болезням». Они часто смеялись по поводу этой таблички, и Виктор не раз называл Тамару доктором по внутренним болезням. *Ты лечишь меня, как настоящий доктор.* Под внутренней болезнью понималась, разумеется, душа.

Сейчас, когда он замер перед знакомой дверью, ему показалось, что все это было с ним в другой жизни. И встречаясь с Тамарой, и вращаясь в бешеном ритме своей деловой жизни, и целуя на ночь Ренату, и изменяя ей с Ириной Пчелинцевой, разве мог он представить себе, что в один далеко не прекрасный день он лишится всего этого счастья, этой возбуждающей его круговерти. Вернее, его лишат. Против его воли. Посадят в клетку, как дикого зверя. И за что? Только за то, что Рената в свое время купила ему сине-белый шерстяной свитер, точно такой же, какой видели на убийце? Но ведь свидетель мог и ошибиться. И кто вообще эти люди, эти так называемые свидетели, которым поверили настолько, что его, ни в чем не повинного Виктора Кленова, арестовали *по подозрению в убийстве жены*. Да, Наталья все же была права, когда говорила, что найти убийцу Ренаты и Ирины это все равно что вычислить своего главного врага.

Он позвонил и почти тотчас услышал звуки шагов за дверью и тихое, встревоженное «кто там?».

– Тамара, это я, Кленов.

Дверь немного отворили, и он увидел черные блестящие глаза.

– Виктор? Ты?..

И Тамара впустила его, обняла и прижалась к нему своим горячим тонким телом.

– А я уж думала, что не увижу тебя.

– Но почему? Я же звонил тебе сегодня.

– Тсс... Заходи.

И она, подчиняясь привычке и природной осмотрительности, сразу же, едва он переступил порог, заперлась на все замки. Виктор вдруг вспомнил Ирину Пчелинцеву, которая до предела оснастила двери их квартиры замками. *Почему все мои женщины чего-то боятся?*

– Как же я соскучилась по тебе... Витя, – она нашла в темноте его губы, прильнула к ним. – Пойдем же. Знаешь, – она улыбнулась, и он увидел ее острые беличьи зубки, – а я как чувствовала, что проведу этот вечер не одна. Приготовила азу из баранины. Ты же любишь мое азу?

Виктор тотчас вспомнил его острый вкус.

– Это ты мое азу. Я рад, что ты мне вообще открыла дверь.

Он оказался в знакомой комнате, где ровным счетом ничего не изменилось. На темно-зеленой скатерти стояла корзинка с грушами. Тамара, как кошка, легко и грациозно прыгнула на широкую, покрытую пестрым покрывалом, тахту и поджала под себя ноги. Устремила взгляд своих внимательных и раскосых глаз на Виктора.

– Дай-ка я на тебя полюбуюсь. Виктор... Не буду скрывать – я стала забывать тебя. Но сегодня, когда услышала твой голос, что-то перевернулось во мне. Если бы ты знал, каких усилий мне стоило говорить с тобой сухим официальным тоном. Но я не могла иначе. Андрей мог войти в приемную в любую минуту. Да и Гасан... Витя, ты же знаешь, наверное, что его убили. Иначе ты бы ко мне не пришел. Только, пожалуйста, не надо делать вид, что ты пришел, потому что соскучился по мне. Ты вышел из тюрьмы, и у тебя накопилось много вопросов. Я понимаю. Но и у меня к тебе тоже не меньше вопросов. Я вообще запуталась, и мне очень страшно. Иди ко мне, обними меня.

Виктор сел рядом с ней, и Тамара положила ему голову на колени. Он, играя ее волосами, вдруг почувствовал себя в своем прошлом. И пусть это чувство длилось всего лишь мгновение, он успел получить небольшой заряд силы и понял, что сделал правильно, приехав сегодня именно сюда, к Тамаре, а не к Андрею.

– Что ты знаешь об убийстве Гасана?

– Только то, что его убили, когда он выходил из квартиры. Прямо на пороге. Это произошло часов в восемь утра. Он всегда в это время выходит из дома.

– Он живет один?

– Да. Как и Андрей.

– Тамара, меня долго не было здесь. Я ничего не знаю о том, как шли дела в «Авиценне» и кому понадобилось убрать меня.

Тамара подняла глаза и несколько секунд смотрела на него, не мигая.

– Ты действительно ничего не знаешь?

– Нет! – воскликнул он, вдруг почувствовав, что сейчас он наконец-то узнает самое главное, то, ради чего он и приехал сюда.

– Гасан любил Ренату. И когда ты убил ее, он сделал все возможное, чтобы ты не вышел из тюрьмы. Это он прислал...

– Что ты такое говоришь? – Он вскочил и пересел с тахты на стул. – Тамара, я никого не убивал!

– Но ведь тебя видели на лыжне... – она состроила страдальческую мину.

– Кто тебе об этом сказал? Гасан?

– У нас тут целую неделю паслись люди из прокуратуры, постоянно беседовали то с Гасаном, то с Андреем. Они даже пили вместе. Хотели, наверное, по пьяной лавочке выудить друг у друга полезную информацию. В прокуратуре в то время никто не сомневался в том, что Ренату убил ты. Если бы ты знал, как я тряслась – боялась, что они узнают про нас с тобой...

Он резко оборвал ее:

– Что они еще говорили обо мне? Какую жизнь мне придумали? – Он произнес это в надежде выяснить, знает ли кто о его романе с Ириной Пчелинцевой. У Тамары он бывал раз в месяц, а то и реже, а с Ириной встречался почти каждый день. Неужели они с ней были настолько осторожны, что про них так никто ничего и не узнал?

– Витя, ты, наверное, не расслышал, что я тебе сказала про Ренату и Гасана, – осторожно напомнила ему Тамара.

И лишь теперь до него дошел смысл ее слов, он понял, что, во-первых, Гасан любил его жену, во-вторых, все (включая и Тамару) уверены в том, что это он убил Ренату, в-третьих, это Гасан сделал все, чтобы он не вышел из тюрьмы. Тамара не успела договорить, и если бы он не перебил ее, то наверняка услышал бы, что это он послал к нему адвокатов, которые заморочили ему голову.

– Ты хочешь сказать, что у моей жены с Гасаном был роман?

– Этого никто не знает, но я думаю, что нет. Зато с уверенностью могу утверждать, что Гасан был просто без ума от твоей жены.

– Но откуда ты об этом знаешь? Гасан с тобой был настолько откровенен?

Виктор никогда бы этому не поверил. Гасан в его памяти остался как хитрый и сильный человек, хищник по натуре. Существо довольно коварное и опасное. Он всегда добивался своей цели и не брезговал при этом ничем. Разве что никогда бы не решился на убийство или насилие над женщиной. Он был красивым и грубым, и женщины сами вешались ему на шею. Хрупкая и романтичная Рената и дня бы не выдержала рядом с ним. Она сбежала бы, не оглядываясь, даже если бы Гасан осыпал ее золотом или подарил мастерскую, о которой она так страстно мечтала. Рената была бескомпромиссным человеком и в этом была немного похожа на упрямого и эгоистичного Гасана.

– Нет, Гасан бы мне никогда об этом не рассказал. Но о том, что Гасан сходил с ума по твоей жене, знал Андрей, он-то мне и сказал. Гасан просто заболел ею, представляешь? Мне кажется, что мужчины могут так страдать только в том случае, если женщина им отказала.

– Отказала?

– Иначе он бы так не переживал. Ведь, если бы она ответила на его чувства, он скорее похвастался бы перед Андреем своей победой, а не стал бы рассказывать о том, как ему тяжело, каждый раз видя ее, зная, что она никогда ему не достанется.

– Она ничего не рассказывала мне...

– Зачем?

Рената не спала со мной, отказала Гасану, после чего ее убили...

– А тебе не приходило в голову, что это Гасан мог ее убить?

Он сказал это просто так, но Тамара отнеслась к его словам со всей серьезностью.

– Приходило, конечно. Но тогда зачем было Гасану накануне убийства Ренаты встречаться с директором одной из ремонтно-строительных фирм и договариваться о том, чтобы отремонтировать весь второй этаж особняка, в котором раньше располагалась фондовая биржа?

– А при чем здесь это?

– Он хотел подарить это помещение Ренате. Но прежде привести его в порядок. Я своими ушами слышала, как он разговаривал по телефону с представителем одной из фирм, занимающейся пластиковыми окнами, и спрашивал о том, можно ли разобрать крышу и сделать стеклянный потолок. Это его слова. То есть он хотел подарить твоей Ренате мастерскую, такую, о которой она всегда мечтала, – прозрачную, почти всю из стекла.

Ему стало не по себе. Оказывается, совершенно чужие, посторонние люди знали о его жене такие подробности. Интересно, а они знали, почему он сам, ее муж, вполне состоятельный человек, так и не купил ей мастерскую? Ведь он даже палец о палец не ударил, чтобы

ее мечта сбылась. Между тем причина была проста: Рената отдалилась от него настолько, что он как мужчина не мог позволить себе так унизиться в ее глазах, чтобы попытаться купить ее с помощью этого роскошного подарка. Она же его жена, а не содержанка, которая спит со своим благодетелем только ради денег. Ради каких-то благ. Ему куда приятнее было тратить свои деньги на благодарную и ласковую Ирину, чем на холодную и все более отдаляющуюся от него Ренату.

– А она-то это знала? Ну, про мастерскую...

– Мне это неизвестно.

Теперь он понял, почему Рената так противилась приходу в их дом и Гасана, и Бархатова одновременно. Если бы она выделила из них двоих, Бархатова и Сулейманова, одного Гасана, это могло бы насторожить его, Виктора. А так получалось, что она просто не хотела видеть его компаньонов, то есть не желала, чтобы их дом превращался в филиал офиса, в котором ведутся деловые разговоры.

– Тамара, я провел десять месяцев в тюрьме, и все это время мне упорно внушали, что я – убийца. Ты хочешь сказать, что все это подстроил Гасан?

– Конечно. Я даже знаю, что он платил охране за то, чтобы тебе в еду подмешивали какие-то капли, разрушающие психику... Ведь ты, Витя, подписал такие бумаги... Все эти доверенности. Человек, находящийся в здравом рассудке и твердой памяти, никогда бы не совершил такой глупости. Ты же, по сути, разорил себя. Полностью.

– Ладно, Гасан, – он встал и принялся шарить по карманам в поисках сигарет. – А что Андрей?

– В случае твоей смерти или если бы ты оказался в психушке, он бы наравне с Гасаном разбогател на твоей доле. Все очень просто.

– А почему ты не пришла ко мне и ничего не сказала?

– Что бы изменилось? Ты, увидев Гасана, пришедшего к тебе на свидание, вцепился бы ему в горло, и на следующий день тебя бы, возможно, убили. Там, в тюрьме, убийство человека стоит недорого. А заодно убрали бы и меня. Потому что та же охрана доложила бы Гасану, кто тебя навещал и, следовательно, кто мог тебе рассказать об этих каплях. Я ничего не могла сделать.

– Но откуда тебе стало известно об этих каплях?

– Они разговаривали с Андреем, дверь в кабинет была приоткрыта, я все слышала. Инициатива, разумеется, исходила от Гасана. Он ненавидел тебя...

– И что меня ожидало в конечном счете? Смерть?

– Думаю, психушка.

– Но что я сделал Гасану?

– Наверное, он до последней минуты своей жизни был уверен в том, что это ты убил Ренату. Ты убил его мечту, женщину, которую он боготворил, понимаешь?

– Все это чушь собачья... Просто он решил воспользоваться случаем убрать меня и обокрасть, как последний мошенник. Вот скотина! И Бархатов, выходит, тоже?

– Гасан держал его на коротком поводке. У Сулейманова было что-то на Андрея. Поэтому-то Андрея после его смерти и задержали.

– Ты хочешь сказать, что Андрей сейчас благополучно занял мое место на нарах? – Он как-то нехорошо, истерично загоготал и даже сам испугался своего ненормального смеха.

– Да нет, его просто допросили и отпустили. Он сейчас дома. Пьет.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, он сам позвонил мне.

Тамара, устав от такого тяжелого и напряженного разговора, вздохнув, отправилась на кухню разогревать ужин. Виктор же не переставая думал о Ренате и о том, что могло бы быть, согласись она стать любовницей Сулейманова, и пришел к выводу, что это Гасан убрал его

со своего пути. И что уверенность Виктора в том, что Гасан не был способен на убийство, – глубочайшее заблуждение. Больше того, он мог убить и Ренату, а свою ненависть к Виктору разыграть для всех окружающих его людей, чтобы скрыть истинное положение дел, то есть не допустить, чтобы заподозрили его самого. Но за что он мог убить Ренату? Разве что он узнал бы, что у нее есть другой мужчина? Это довольно весомая причина. Но тогда, скорее всего, он убил бы того, другого мужчину, своего соперника. Но у Ренаты не было любовника. Это-то Виктор знал точно. Частный детектив, которого он нанял, долго следил за ней, буквально ходил по пятам. Рената была чиста перед ним... Значит, ее убил не Гасан. Но кто же?

Пока Тамара накрывала на стол, ему в голову пришла одна идея. Но вот согласится ли Тамара помочь ему в его плане? И как заинтересовать ее? Деньгами? А почему бы и нет? Наталья наверняка поможет ему во всем, что касается расследования причины убийства Ренаты, и даст денег. Ведь для нее важным является то, чтобы расчистить территорию для ее будущего бизнеса от тех, кто впоследствии сможет посягнуть на нее. И если вдруг выяснится, что у Ренаты был любовник, и что она, если предположить, встречалась одновременно с Гасаном, и что Сулейманов убил ее из ревности, а Ирину прикончил как свидетеля, то теперь, после его смерти, должна наступить тишь да благодать. Его смерть, другими словами, смерть убийцы Ренаты будет означать конец невидимой войне. И Наталья сможет спокойно начать свой бизнес. А уж с Бархатовым, который, как оказалось, тоже был на крючке Сулейманова уже по своим причинам, он всегда сумеет разобраться.

На столе появилось блюдо с аппетитным азу, графин с водкой, розовая маринованная капуста. Прежде чем предложить хлопчущей около него Тамаре свой план, он, сделав вид, что на время забыл об их разговоре, принялся за еду. Они выпили, улыбнулись друг другу, и Тамара, как он почувствовал, немного оттаяла.

– Но как же им удалось продать мою квартиру? Как? И зачем им это вообще понадобилось? Они что, были уверены в том, что я не выйду из тюрьмы?

– Думаю, что да. Понимаешь, Сулейманову очень нужны были деньги. Но не на развитие «Авиценны», а совершенно на другое. Он в последнее время увлекся сельским хозяйством и собирался прокрутить деньги, вложив их в зерно. Андрей был против. Он говорил, что каждый должен заниматься своим делом. Еще у Бархатова была идея, связанная с сетевым маркетингом. Какая-то лечебная косметика из Питера... Он говорил, что это что-то новое и что организаторы, стоящие у истоков распространения, поначалу имеют баснословные прибыли. Они постоянно спорили на эту тему, доходило даже до взаимных оскорблений.

– То есть им нужны были деньги, много денег. Гасану – на зерно, Андрею – на сетевой маркетинг. И они решили забрать мою долю, поделить ее при живом-то компаньоне и даже продать его квартиру? – он задыхался от возмущения.

– Квартира... С квартирой получилось вообще интересно... – вздохнула Тамара и поджала губы. – Не хотела тебе говорить, но, видимо, придется. Дело в том, что кто-то из знакомых Гасана, узнав, что у тебя большие неприятности, сам предложил купить твою квартиру. Кажется, это был директор какой-то риелторской фирмы.

– Сам? И кто же этот ушлый господин, решивший прибрать к рукам квартиру еще живого и относительно здорового человека?

– Понятия не имею. Но это можно узнать. Все риелторы города связаны между собой. Тебе будет несложно вычислить этого человека.

– Хорошо. Вычислю. И что же дальше?

– Это послужило толчком, идеей, после чего Гасан и состряпал ту гадкую бумажку – доверенность, а ты ее подписал...

– Да, я постоянно чувствовал себя в тюрьме скверно. У меня кружилась голова, меня тошнило, но я был уверен, что все это нервы. Ведь у меня погибла жена, я оказался в тюрьме...

– А это были капли. Вот так твою квартиру и продали.

– А кто купил, не знаешь?

Тамара как-то странно посмотрела на него. Так смотрят на тяжелобольных людей. Кроме того, он понял, что она испугалась. Однако, выждав паузу, он дал ей возможность первой заговорить.

– Виктор, но ты же сам сегодня назначил встречу Андрею и Гасану *у себя дома*. Или я что-то не так поняла? Разве ты не знаком с покупателем?

– Да нет, ты все правильно поняла. Мир не без добрых людей. Моя сестра навестила меня в тюрьме. Она приехала ко мне издалека. Ей кто-то позвонил и сказал, что я в беде и что моя квартира продается.

– И она выкупила твою квартиру? – догадалась Тамара.

– Да, представь себе.

– Ну, тогда тебе будет еще легче вычислить этого риелтора. Неужели ты еще не навел о нем справки?

– У меня не было времени. Меня ведь выпустили только вчера. Как ты думаешь, мог я думать о каком-то там риелторе, когда я оказался на свободе! Она, Наталья, накормила меня, отмыла... Она – человек.

– Кто бы мог подумать... Значит, ты в рубашке родился. Может, и выпьем за это?

Они выпили, и Виктор счел, что настало самое время для того, чтобы предложить Тамаре свой план.

– Я бы хотел проверить своего детектива, того парня, который следил за Ренатой...

– А ты следил за Ренатой?

– Да. Но давно. Понимаешь, Тома, когда ты сказала мне о том, что Гасан любил мою жену, мне пришло в голову, что Рената могла *перекупить* моего детектива. Ты понимаешь, о чем я?

– То есть ты заплатил ему за то, чтобы он проследил за ней. А она, заметив, что за ней следят, дала ему же кругленькую сумму, чтобы он сказал тебе, что у нее никого нет?

– Именно.

– Ты хочешь на этот раз попросить его проследить за мной? Я угадала?

– Да.

– И у тебя есть на это деньги?

– Что касается денег, я еще и сам ничего не знаю. Мне еще предстоит выяснить, что стало с моими счетами...

– Можешь не проверять, – она взмахнула руками и нарисовала в воздухе две скрещенные линии и этим жестом убила в нем последнюю надежду. – Они – пусты. Это точно. Разве ты не помнишь, как к тебе приходил нотариус?

– Нет, не помню...

– Значит, капли хорошо сработали. У тебя нет денег, Витя. Ни доллара.

Ему стало трудно дышать. Пятьдесят тысяч долларов были размещены по разным банкам – отложены на черный день. Остальное крутилось в «Авиценне», а это был уже солидный капитал. И теперь он нищ.

– Деньги на детектива мне даст сестра. Думаю, чтобы мне не рисоваться, она же и попросит его проследить за тобой. А ты, в свою очередь, попытаешься перекупить его, хорошо? Ты сделаешь это для меня? Тамара?! Ты так смотришь на меня, словно хочешь спросить, а здоров ли я сейчас? Я – здоров. Абсолютно. Я живу в своем доме, со своей сестрой, и коплю силы, чтобы начать новое дело. Я не собираюсь мстить. К тому же Гасан мертв...

– Но ведь его убили на следующий день после того, как ты вышел из тюрьмы...

– Это не я. В восемь утра я был дома. И Наталья это может подтвердить.

– Она-то может, – произнесла Тамара загадочно, – да только поверят ли ей...

Виктор не дал ей договорить. Он обнял ее и прижал к себе.

– Молчи... – Он поцеловал ее. – Давай хотя бы сейчас забудем все, о чем говорили. Успокойся. Я слышу, как колотится твое сердце. Ну? Обними меня... Знаешь, о чем я жалею? О том, что не пришел к тебе вчера...

9. Спокойной ночи

Аля дочитала в своей спальне роман Джеки Коллинз, потом выпила стакан теплого молока и, перед тем как лечь спать, заглянула в кабинет Бориса Ефимовича. Он сидел за компьютером и сосредоточенно набирал какой-то текст. Теплое чувство охватило Алю, когда она увидела это ставшее ей уже почти родным лицо, эту серебряную бородку, густые брови, поджатые губы. Золотистый шелковый стеганый халат делал его похожим на русского барина, солидного, спокойного, уверенного в себе.

– Я спать, а вы?

Он поднял голову и какое-то время смотрел на Алю отсутствующим взглядом. Затем, словно очнувшись, улыбнулся ей и погладил свою бородку.

– Иди, милая, а я еще поработаю. Дел много накопилось...

– Тогда спокойной ночи?

– Спокойной ночи. Я уж к тебе сегодня не приду. Думаю, что допоздна буду работать.

Аля помахала ему ручкой, послала воздушный поцелуй и направилась к себе в комнату. Постелила себе постель, юркнула под одеяло и замерла. Она лежала на шелковых простынях и кружевных подушках совсем как героини ее любимых любовных романов и испытывала от этого состояния защищенности и комфорта непередаваемое чувство радости. Теперь у нее было все, о чем можно было только мечтать: дом, просторная, заставленная красивой мебелью, комната, чистая постель, шкаф с нарядами, хорошая косметика и к тому же еще свобода! Она могла целыми днями заниматься, чем ее душа пожелает: ходить по магазинам, гулять по улицам, часами просиживать в кино, покупать и читать любимые книги, готовить вкусные блюда; Борис Ефимович с удовольствием ел все, что она приготовила, да еще и хвалил ее при этом. Единственным неудобством в ее жизни стала небольшая повинность – его ласки; в последнее время ей становилось все труднее и труднее переносить их. Но она научилась закрывать глаза и представлять себя на приеме врача, который просто вынужден дотрагиваться до нее, чтобы поставить диагноз. Это была психологическая уловка, игра, построенная на самообмане, которая помогала ей пережить эти не очень-то приятные минуты.

Аля начала дремать, когда услышала тихое мурлыканье телефонной трубки. Так случилось, что она оказалась в ее комнате, и теперь, не раскрывая глаз, она нащупала ее на столике, поднесла к уху и тотчас услышала знакомый голос отца:

– Мне Алю.

– Пап, это я. Что случилось?

– Твой спит?

– Нет, он работает у себя в комнате, а что?

– Мне надо срочно с тобой поговорить.

– Говори.

– Нет, ты не поняла меня. Я звоню тебе из автомата, рядом с твоим домом. Я сейчас поднимусь к тебе, и ты мне откроешь.

– Ну, хорошо, поднимайся. Но только если ты будешь снова просить денег, то знай: мы тебе ничего не должны.

– Деньги здесь ни при чем. Я буду у тебя через пару минут. И постарайся, чтобы твой старик не присутствовал при нашем разговоре.

– Но как же это я, интересно, сделаю, если он услышит, что я открываю дверь?

– А ты сделай все тихо, как мышка, понятно?

– Да что случилось? Почему ты не можешь сказать по телефону?!

– У меня неприятности.

– Ладно, поднимайся, – она уже окончательно проснулась. Отключила телефон, встала, накинула халат и вышла в коридор. Желтая полоска света на паркете свидетельствовала о том, что Борис Ефимович еще не спит, что он работает в своем кабинете. Она остановилась, размышляя, говорить ли ему о звонке. Но, подумав, решила, что у него и без нее много хлопот, иначе он бы не проводил так много времени за компьютером, и направилась к двери. Она вскоре услышала, как в дверь скребутся. *Как мышь...*

Аля открыла дверь, и тотчас чьи-то сильные руки подхватили ее. Сразу стало темно, душно, и она провалилась в какую-то гулкую и черную дыру...

Борис Ефимович выключил компьютер, потянулся, расправляя плечи и хрустя суставами, сделал несколько упражнений для шеи и спины и только после этого встал. Проект договора с голландцами на поставку тюльпанов и роз был составлен. Оставалось самое малое – договориться с ними о встрече и подписать документы. И уже через пару месяцев он откроет в центре города новый цветочный магазин, где вместе с тропическими растениями и аквариумами теперь будут продаваться и живые цветы. Теперь, когда у него была Аля, он понял, что в его жизни появился смысл, и деньги, которые он заработает на этом проекте, он потратит на новую квартиру, а то и дом. Летом они с Алей отправятся в путешествие. Сначала в Крым, а потом в Египет. Она так мечтала увидеть египетские пирамиды...

Он посмотрел на свои руки. Они уже давно не дрожали, как прежде. Здоровье хлынуло в него, как свежий воздух в душную и темную каморку. Он и сам не узнавал себя. Его кожа приобрела розовую матовость, глаза заблестели, и даже седины как будто поубавилось. А ведь он был, по сути, трупом. За ним хорошо ухаживали в клинике, но не ради него самого, конечно, а ради тех денег, которые он раздавал там направо и налево, начиная от главврача и заканчивая нахальными полумойками-пьянчужками.

От воспоминаний о больничном аде ему стало нехорошо. Слегка затошнило. А уж когда звонок прорезал ночную тишину квартиры, у него на лбу вдруг выступила испарина. *Кто бы это мог быть? Маргарита?*

Он схватился за сердце. Только этого еще не хватало – сестры-картежницы!

Он подошел к дверям, открыл сначала первую, затем заглянул в глазок. Как ни странно, но вместо сестры он снова увидел своего недавнего «гостя» – отца Али.

– Послушай, Вениамин, уже поздно. Ты звонишь как ненормальный... Мы с тобой уже все выяснили. Иди домой и, пожалуйста, больше не приходи сюда.

– Я имею право взглянуть на свою дочь. Мне только что позвонили и сказали, что ее видели в каком-то кабаке и в весьма неприличном обществе. Я бы хотел, чтобы ты дал мне объяснения. Куда ты ее отправил? Кому перепродал, сукин ты сын!

– Ты пьян. Успокойся. Твоя дочь у меня. Она спит, а своими криками ты можешь ее разбудить. Уходи, я тебе все равно не открою...

Но слова, брошенные Вениамином, оставили в его душе неприятный осадок. Он вдруг понял, что никогда не отделается от этого человека. Больше того, теперь Вениамин будет постоянно развивать эту придуманную им и весьма удачную для мошенника гнусную мысль о сутенерстве. Он станет шантажировать его и натравит на него, если понадобится, милицию, чтобы только получить деньги.

Вениамин так кричал, что Аля должна была бы уже давно проснуться. Но дверь в ее спальню была плотно прикрыта, и оттуда не доносилось ни звука. Встревоженный, Борис Ефимович открыл дверь и увидел пустую разобранную постель: Али не было.

– Аля! – вскрикнул он сорвавшимся от напряжения голосом.

Но ему никто не ответил.

– Ты, грязный старикашка, открывай немедленно, иначе я выбью твою дверь. Где моя дочь?

Борис Ефимович испугался, что своими криками Вениамин разбудит всех соседей. И тогда скандала уже не избежать. Кто-нибудь непременно вызовет милицию, поднимется шум. Найдутся охотники позубоскалить на тему сожительства богатого и пожилого соседа с молодой девушкой.

Он открыл дверь, и Вениамин скользнул в квартиру, как ядовитая змея, проник в спальню дочери, и перед его взглядом возникла та же самая картина, что и перед Борисом: освещенная лампой пустая постель.

– Аля? – Вениамин медленно обвел глазами комнату и чуть задержался на стуле со сложенной на нем одеждой. – Она что, ушла раздетая?

– Она дома, уверяю тебя. Успокойся, может, она в ванной комнате или на лоджии... Может, дышит свежим воздухом, а ты переполошился.

– Ты меня за идиота принимаешь? Я здесь устроил такой шум, а она ничего не услышала?

Они вместе обошли всю квартиру, но Алю так и не нашли. Вениамин кинулся к телефону. Схватил трубку.

– Ты сейчас увидишь, на что способен оскорбленный отец... Вот скотина, отдал мою девочку на растерзание другим таким же скотам... Я звоню в милицию.

– Подожди. Что тебе от меня надо? – И тут он все понял: – Ведь это же ты сам все подстроил, так? Отвечай, ты? Она была здесь. Только что. Буквально полчаса тому назад. Она выпила молоко и пришла ко мне в кабинет пожелать мне спокойной ночи... Аля исчезла, и сразу же появляешься ты, дрянь, и пытаешься представить все дело таким образом, будто бы это я ее куда-то дел? Я не заплачу тебе ни рубля, ты понял? И если с Алей что-нибудь случится, то сам найму адвокатов и упеку тебя за решетку за то, что ты торгуешь своей дочерью. У нас с Алей прекрасные отношения, она дорожит тем, что имеет, она – замечательная девушка, она хороший человек, не то что ты. А теперь убирайся! Если хочешь, звони в милицию. Пожалуйста! Мне тоже будет что рассказать о тебе. – И тут новая догадка осенила его: – Мне кажется, что я даже знаю, кому принадлежит эта идея – моей отчаявшейся найти денег, проигравшейся в пух и прах сестрице! Я отказал ей, не дал денег, вот она и отправилась к тебе. И ты рассказал ей, что девушка, которая живет у меня, – твоя дочь. Представляю, как она была разъярена. Вы каким-то образом договорились и выманили девочку из квартиры, а теперь ты ждешь, что я раскошелюсь и выложу тебе деньги за то, что ты поднял здесь такой шум и украл свою же дочь?

В порыве ненависти Борис бросился на Вениамина и схватил его за грудки. Он вдруг почувствовал в себе такую силу, такую мощь, что даже сам испугался того, на что способен сейчас.

Вениамин, прочтя в его взгляде, быть может, близкую смерть, вырвался из рук Бориса Ефимовича и бросился на кухню. Он не помнил, как в его руке оказался нож. Одно движение – и обыкновенный кухонный нож, которым резали хлеб, плавно вошел в шелк халата и утонул в его мягкости. Что-то жирно хлопнуло внутри тела, которое рухнуло на пол, а у Вениамина в руках остался нож, по самую рукоять залитый темной густой кровью.

Двигаясь по квартире как сомнамбула, он, перешагнув через неподвижное тело, подошел к раковине, открыл воду и принялся тщательно мыть нож. В раковине вспенилась розовая вода. Где-то в глубине души Вениамин почувствовал приятное радостное возбуждение, но вот причину этого пьянящего состояния пока еще понять не мог. И лишь когда нож был вымыт, насухо вытерт и убран в стол, он понял, что так возбудило его. Да, старик был прав, когда говорил, что это Марго отправила его сюда, и это она придумала выманить Алю из квартиры. Но Марго ничего не получит. Как не получит ничего и Аля. Все, что он найдет здесь, в этой огромной и богатой квартире, будет принадлежать только ему одному. И Вениамин, надев взятые с полки

в прихожей мягкие кожаные перчатки убитого и обезопасив себя таким образом, принялся распахивать дверцы шкафов, рыться в ящиках письменного стола...

Дрожа и предвкушая нечто необыкновенно радостное, он пересчитывал найденные в кабинете, в открытом сейфе пачки денег, вытряхивал из коробок золотые или просто красивые вещицы, рылся в белье, книгах. Уронил коробочку с розовой пудрой, которая рассыпалась по паркету.

Перед тем, как покинуть квартиру, он не спеша уложил в чемодан все самое ценное, что нашел здесь, распахнул окно и выбросил чемодан на улицу, в самую гущу зарослей рябин, окружавших дом. Было темно, и ни одна душа, по его мнению, не могла видеть его, тем более что свет в комнате он предварительно погасил. И только после этого быстрым шагом вышел из квартиры, спустился по лестнице во двор, отыскал в слякотной жиже газона чемодан, обтер его своим носовым платком, который сразу же спрятал в карман, остановил такси и помчался на вокзал. Ему нельзя было теперь оставаться в этом городе. Он совершил убийство, во-первых. Во-вторых, он не поделился с Марго, которая все это время, что он находился в квартире своей жертвы, держала у себя Алю в ожидании его возвращения. Понятное дело, что убийства никто не планировал. Вениамин должен был вытянуть у Бориса Ефимовича деньги. Любыми путями. И Аля в этом плане играла роль заложницы. *Марго дура. Она думала, что ее братец такой же идиот. Да с какой стати он бы стал раскошелиться из-за девчонки, если все шито белыми нитками, и он сразу же догадался бы, откуда ветер дует. Если уж ей на самом деле так нужны деньги, пусть расплачивается девчонкой. А охотники всегда найдутся...*

В машине ему вдруг стало нехорошо. Он вспомнил глаза дочери в тот вечер, когда привел ее впервые к подъезду Бориса Ефимовича. В ее взгляде не было нежности и уж тем более любви, но было понимание. Они понимали друг друга. И она вполне сознательно согласилась переселиться к старику. Значит, очередная грань в ее жизни уже была преодолена. А если так, то она постепенно сможет перешагнуть и остальные, никому не нужные и бесполезные принципы и правила. Лечь в постель с мужчиной ради денег – она знала, на что шла. В сущности, так поступают тысячи женщин на планете. Не она первая, не она и последняя.

Он закрыл глаза и раскрыл только тогда, когда машина остановилась, и он увидел яркие огни привокзального сквера. Снег, кружась в синем ночном воздухе, плавно ложился на замерзшие кусты и деревья.

Вениамин еще не знал, куда поедет.

10. Возвращение блудного брата

Наталья встретила его холодно.

– Однако ты долго гулял, – произнесла она угрожающе-тихо, и Виктор подумал о том, что немного побаивается своей родственницы. Было сейчас в ее взгляде нечто такое, что заставило его устыдиться своего поступка, а именно того, что он позволил себе расслабиться в постели с Тamarой.

– Не злись. Я был у своей старой знакомой, мне надо было кое-что выяснить...

– Ты был у своей бывшей секретарши? – вырвалось у Натальи.

– А ты откуда знаешь про нее? – в свою очередь, удивился Виктор.

– Я вычислила, куда ты мог отправиться. Раз одного твоего компаньона убили сегодня утром, а второй по этому поводу наверняка напивается или уже напился, следовательно, к нему идти бесполезно, значит, ты должен был встретиться с человеком, тесно связанным с ними двумя, чтобы собрать интересующую тебя информацию. Этим человеком могла быть только секретарша. Я даже могу предположить, что в свое время ты спал с ней. И вот теперь, когда ты изнываешь от одиночества и тебе нужна женщина, кто еще может так легко утолить твой голод, успокоить твой зуд...

– Не говори со мной так. Ты ничего обо мне не знаешь, – начал он заводится и уже спустя мгновение понял, что не в силах сдерживать свою ярость: – Я не просил тебя выступать в роли благодетеля. И я не принадлежу тебе и ничем тебе не обязан. Я могу прямо сейчас покинуть эту квартиру и вернуться сюда спустя некоторое время с деньгами и вытряхнуть тебя отсюда, понимаешь? Мне нужно только время...

– Зачем ты так? – Он увидел, как в ее глазах заблестели слезы. – Как ты можешь?..

– Я – мужчина и не обязан подчиняться женщине. Даже если она хочет мне добра. И вообще, почему я должен верить тебе? – Мысль о том, что его в очередной раз обманули, ввели в заблуждение для каких-то не понятных пока еще ему целей и что он живет под одной крышей с самозванкой, привела его в бешенство. – Немедленно покажи документы, слышишь? Немедленно! – гремел он на всю квартиру.

Наталья в ужасе попятилась от него и скрылась в соседней комнате, откуда вышла через минуты с паспортом в руках.

– На, смотри... Это твое право. Возможно, что и я поступила бы точно так же, разве что сделала бы это в первый же день...

Он открыл паспорт. «Агранатова Наталья Петровна». Паспорт был новый, и единственный штамп, который он увидел, – свежий, яркий – был штамп о регистрации по месту жительства... в его квартире. То есть она действительно купила эту квартиру, поменяла паспорт со старого образца на новый, после чего там и появился этот штамп. Все правильно. Новый паспорт – новая жизнь.

– Ладно, извини... Я вспылел.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – В ее голосе прозвучали нежность и нотки вины, словно она искренне сожалела об этой небольшой, но сильной эмоциональной буре, вызванной ее невольными упреками.

– О чем?

– Разве твоя секретарша ничего не рассказала тебе?

– Это они, – выдохнул он и покачал головой.

– Они, – повторила Наталья задумчиво. – Ты хочешь сказать, что твоя секретарша подтвердила наши предположения относительно того, что это именно твои дружки все подстроили и с Ренатой, и с твоими акциями и доверенностями?

– Я узнал, что Гасан был влюблен в мою жену. Тамара считает, что он все и подстроил, чтобы избавиться от меня. А Андрей ему помогал, потому что был на крючке у Гасана.

– Но кто же убил Ренату? Тоже они?

– В том-то и дело, что нет. Они все уверены, что это сделал я, понимаешь? Поэтому-то Гасан якобы и решил уничтожить меня, чтобы отомстить за смерть женщины, которую он любил.

– А Тамара? Она тоже думает, что это ты убил свою жену?

– Вы, женщины, очень скрытные. Я так и не понял, поверила ли она мне, что это не я убил жену, или нет. Она обнимала меня, делала вид, что относится ко мне по-прежнему нежно, но вот какие мысли одолевали ее в ту минуту, разве я когда-нибудь узнаю? Может, сознание того, что она лежит в постели с убийцей, только распалало ее? Но я могу и ошибаться...

И Виктор, немного успокоившись, рассказал Наталье о том, что они с Тамарой придумали в отношении того частного детектива, который следил в свое время за Ренатой.

– Неплохая идея, – оживилась Наталья. – Я попрошу его проследить за твоей Тамарой, чтобы она, в свою очередь, попыталась перекупить его. И если вдруг окажется, что ты прав и что он за деньги Ренаты ввел тебя в заблуждение, я сама так надавлю на него, что ему тошно станет и он расколется, как орех.

В ее голосе прозвучала ненависть, и Виктор подумал, что его сестра – человек страстный, эмоциональный и довольно сильный. Мысль о том, что Наталья ему вовсе не сестра, заставила его немного иначе взглянуть на нее и даже слегка возбудиться. Она находилась совсем рядом с ним, во всем домашнем, такая милая, красивая и кажущаяся доступной. *Новая женщина в постели Ренаты...* Соблазн был велик, но нереален. Виктор даже закрыл ладонями лицо, словно боясь, что она прочтет в его глазах растущее желание. *И это после Тамары?*

– Ну и какие у нас планы на завтра? – спросил Виктор.

– Я думаю, что тебе необходимо будет встретиться с Бархатовым. Вы должны поговорить по душам и все выяснить. Расспросишь его о том, чем они в последнее время занимались с Гасаном. Наверное, Сулейманова заказали конкуренты или те, с кем он не поделился. Обычные дела... А может, он перешел кому-то дорогу. Просто так людей не убивают. И постарайся особо не давить на него. У него сейчас и так поджилки трясутся, а тут еще ты. Раз Гасан мертв, Андрей, скорее всего, развяжет язык и все тебе расскажет. Теперь ему самому понадобится поддержка. Если убили Гасана, то следующим может быть Андрей, ведь они работали вместе. Если, конечно, это убийство не личного характера. Ты прямо с самого утра к нему поезжай, пока он снова не напился. А я в это время свяжусь с Тамарой, мы с ней наметим план действий, и после этого поеду к детективу, найму его, чтобы он проследил за ней. Ты мне только скажи, что будет, если действительно окажется, что Рената изменяла тебе с другим мужчиной и что этот детектив обманул тебя?

– Когда я узнаю, с кем встречалась моя жена, мне, то есть нам, будет легче вычислить, кто убил ее. Раз она вела двойную жизнь, то вполне возможно, что именно это и послужило косвенной причиной ее смерти. А уж если окажется, что она была любовницей Гасана и одновременно встречалась с другим мужчиной, к которому Гасан ее и приревновал, то можно будет смело предположить, что убийство совершил именно Гасан. Из ревности. А Ирину пристрелил как свидетельницу. А раз Гасана уже нет в живых, значит, все самое страшное позади. Ты же сама говорила, что главное – это вычислить врага.

– Все правильно. А теперь давай спать. У нас завтра тяжелый день. Думаю, что Бархатов попросит тебя помочь ему в организации похорон Гасана. Не отказывайся. Андрей будет пить, а ты постарайся всегда находиться рядом, чтобы вытянуть из него все, что он знает о Гасане, о Ренате...

Виктор долго не мог уснуть.

Часа в три ночи он вышел из своей комнаты, чтобы покурить на кухне. Волосы на его голове встали дыбом, когда он увидел стоящую напротив него в коридоре Ренату. Она была в своей ночной рубашке и протягивала к нему руку.

– Рената? – Он даже осип от страха. – Рената?

– Виктор, это я, Наталья... Ты чего пугаешь меня? Какая еще Рената? Ты с ума, что ли, сошел?

– Извини, – он почувствовал, как ноги его ослабли. – Но ты в темноте так была похожа на Ренату. У вас рубашки похожи.

– У всех женщин рубашки похожи. Просто ты думал, наверное, о ней, вот она тебе и привиделась.

– Наверное.

– Ты что не спишь?

– А ты?

– Я первая спросила.

– Меня замучили сомнения.

Он улыбнулся, двинулся ей навстречу и чуть приобнял ее, прижал к себе.

– Давай спать, Витя... – Она мягко высвободилась из его объятий и, не оборачиваясь, пошла к себе.

А Виктор спустя полчаса заперся с телефоном в ванной комнате и позвонил в несколько городов, в том числе и в Балтийск. В его толстой и потрепанной старой записной книжке были адреса и телефоны дальних родственников, соседей и знакомых, раскиданных по стране, всех тех, кто мог бы подтвердить, что у него действительно есть сестра, Наталья Петровна Агранатова и что она на самом деле выехала из Балтийска и переехала в город, в котором он живет. Ему понадобилось сделать всего три звонка, чтобы полностью удостовериться в этом. После продолжительного и душевного разговора с одной из своих родственниц его оставили последние сомнения в отношении его сестрицы. Значит, Наталья на самом деле близкий и преданный ему человек, который по-настоящему хочет ему добра. А он был сегодня так груб с ней!

Виктор подошел к двери комнаты, где она спала, и заглянул туда.

– Спокойной ночи, – сказал он в темноту, в душе надеясь, что сестра услышит его. – Извини.

Но ответом было лишь едва слышное тихое и мерное дыхание спящей.

11. Серое утро

Марго выкурила уже полпачки сигарет и теперь сидела посреди комнаты, тупо уставившись на стол, заставленный пустыми бутылками, и прислушивалась к тому, что происходило в соседней комнате. Ее пленница сначала пыталась вопить с кляпом во рту, но потом, видимо, решив, что это не поможет, что ее хриплых стонов все равно никто не услышит, умолкла. Марго несколько раз заглядывала в темную комнату, которая освещалась лишь тогда, когда открывалась дверь, и сноп оранжевого света падал на бледное лицо с размазанной и запекшейся на нем кровью. Судя по тому, в каком виде ее приволок сюда, на квартиру Марго, Вениамин, он явно перестарался и во время борьбы, скорее всего, ударил дочь по носу. Иначе откуда было взяться столько крови?

Сейчас, когда за окнами уже рассвело, Марго, трезвее с каждой минутой, вдруг поняла, насколько абсурден и жесток был ее план.

Вениамину было приказано подняться наверх, к Борису, и, выманив дочь, заткнуть ей рот кляпом, посадить в машину Марго и привезти сюда, на Петровскую улицу. А уже потом, своим ходом, вновь добраться до Бориса и угрозами вытянуть у него тысячу долларов. Пока тысячу долларов. А затем шантаж бы продолжался, но только уже без участия жадного до легких денег Вениамина. Марго сама бы придумала способ, как заставить брата раскошелиться. И вот теперь, когда самое главное было сделано и Аля сидела в соседней комнате, привязанная к стулу, Марго вдруг поняла, что ее обманули. Что мошенник Вениамин, сделав свое черное дело и украв у влюбленного и потерявшего рассудок Бориса его сокровище, выманил у него деньги и скрылся в неизвестном направлении.

Марго стало жарко. Щеки ее пылали. Вот что значит дурная голова. Пьяная голова. Мало того, что она вчера продулась в казино в пух и прах, так теперь еще и стала соучастницей преступления. Ведь если Вениамина возьмут под стражу как человека, похитившего дочь (это в том случае, если Аля обратится в милицию и напишет заявление), то он выдаст ее, Марго, не раздумывая, сразу же, с потрохами. Расскажет все как есть. И найдется куча свидетелей-злопыхателей из того же казино, которые подтвердят, что она задолжала Оскару две тысячи долларов.

С другой стороны, рассуждала Маргарита, раскуривая очередную сигарету и сильно нервничая при этом, Вениамин не такой кретин, чтобы не понимать, что ему выгоднее дружить с Марго, нежели подставлять ее. Ведь он знает, что у его бывшей возлюбленной время от времени появляются деньги. Они – прекрасная пара. Два эгоиста, помешанные на удовольствиях. И друг друга стоят. Зачем Вениамину из-за какой-то тысячи долларов так рисковать вместо того, чтобы помогать Марго зарабатывать деньги. Кроме того, ему известен ее жестокий и злопамятный нрав. Он знает, что если он обманет ее, она отомстит и денег, для того чтобы ему переломали ребра или испортили лицо, не пожалует. Стало быть, имеет смысл ждать его возвращения до самого утра. Мало ли...

Она задремала; вдруг послышался грохот. Марго, вскочив со стула, долго не могла сообразить, что происходит и почему она спит за столом, уткнувшись в переполненную пепельницу. Но потом, все вспомнив, почувствовала прилив тошноты. Так бывает, когда чего-то очень сильно боишься. Или же находишься в предчувствии чего-то дурного, неотвратимого и необратимого. *Вениамин. Он не приходил, этот сукин сын. А грохот... Это, верно, Аля уснула и упала на пол вместе со стулом, к которому была привязана.*

Марго бросилась в соседнюю комнату, и перед ней предстала довольно мрачная картина. Аля Вишня, полуодетая, с посиневшим от холода и бессонной ночи лицом в черной засохшей

крови, лежала на боку почти под столом, привязанная к опрокинутому старому венскому стулу. Она, скорее всего, была без сознания.

Марго, все еще продолжая испытывать к распростертой перед ней девушке чувство неприязни и ревности, все же заставила себя развязать ее и потащила, подхватив под мышки, в сторону кровати. Уложила ее, как куклу, на постель, предварительно разув, и даже прикрыла одеялом. Села рядом, затем резко поднялась и сходила за сигаретами. Снова вернулась на прежнее место и закурила.

– А ты как думала, что Борис будет и дальше содержать тебя, покупать норковые шубки и золотые колечки? – Голос ее дрожал, но слова бурным потоком лились из ее рта: – Да кто ты такая, чтобы пользоваться всем тем, что мой несчастный братец нажил за всю свою жизнь?! Ты же – родная дочь своего отца, ты – такая же любительница поживиться за чужой счет, как и он. И ты думаешь, что я бы так и терпела тебя, твое присутствие в его доме? Борис – мой брат. И это я близкий ему человек, а не ты. Он последние годы сильно болел, и я думала, что он уже не выкарабкается, а тут вдруг на тебе – поднялся! А ведь он был такой больной, такой плохой, что даже завещание составил. Как ты понимаешь, завещание в мою пользу. Но его же можно переписать. В любую минуту. И ты это прекрасно знаешь. Ты думаешь, почему я попросила твоего отца привезти тебя сюда? Ты не должна так долго находиться рядом с Борисом. Чем дольше ты жила бы с ним, тем ближе бы ему становилась. Боря – очень мягкий и добрый человек, к тому же довольно богатый. Я же наперед вижу все то, что его ожидает в ближайшем будущем, если он останется с тобой. Ты высасываешь из него все деньги, морочишь ему голову (у тебя это должно хорошо получаться, ведь твой отец в этом плане очень талантливый человек!), после чего бросаешь его, а он, несчастный, одинокий и больной человек, умирает в страшных мучениях. Словом, схема отношений между богатым стариком и молоденькой смазливой шлюшкой, проверенная веками! Разве могла я это допустить? Чтобы он переписал свое завещание на тебя и чтобы ты продолжала пользоваться его денежками? Вот почему ты здесь, маленькая дрянь! И нечего делать вид, что ты без чувств. Ты все отлично слышишь и подглядываешь за мной сквозь ресницы. Просто тебе не хочется ни видеть меня, ни слышать. Ты напугана и представления не имеешь, чем может закончиться для тебя сегодняшний день.

Марго хотела наговорить еще кучу гадостей, которые могли бы окончательно унижить или вообще морально уничтожить Алю, но весь ее злобный пыл иссяк. К тому же у нее страшно разболелась голова. Да, она слишком много выпила ночью и выкурила несколько пачек сигарет. Кроме того, ее начало трясти от всей абсурдности и бесполезности происходящего. Окончательно протрезвев, Марго вдруг осознала, что вела себя как сумасшедшая.

Марго бросила тяжелый взгляд на дверь, за которым стоял стол, заставленный пустыми бутылками. Водка. Это она во всем виновата. Потерять рассудок – что может быть обиднее, да еще и в такой критический момент жизни.

– Ладно, ты спи, – обратилась она к бесчувственной Але. – А я поеду, постараюсь выяснить, куда делся твой отец, эта скотина!

И Марго стала спешно собираться.

Она приехала на квартиру своего брата только в половине десятого. Ее удивило и насторожило, что двери квартиры были не заперты, хотя и плотно прикрыты, как если бы кто-то, не имея ключей и возможности запереть их, все же взял на себя труд и заботу о сохранности вещей, находящихся в квартире.

Едва переступив порог квартиры, она увидела, что все перевернуто вверх дном, содержимое ящиков и шкафов вытряхнуто на пол. Повсюду – осколки битой посуды, груды книг и бумаг, охапки одежды, рассыпанная пудра... Окно распахнуто, и потому в комнате пахнет морозом.

Когда же, войдя в кухню, Марго увидела на полу подернутую темной мутой лужу крови, она все поняла. Вениамин, скорее всего, убил ее брата. *Зарезал. У него же не было пистолета. Или ударил чем-нибудь тяжелым по голове.*

Марго была близка к потере сознания. Ей с трудом удалось сдержать рвущийся из горла крик. И только навязчивый вопрос, где тело, не давал ей расслабиться. Она почти бегом бросилась в ванную комнату в надежде обнаружить там труп брата. Ведь даже находясь в шоковом и одновременно возбужденном состоянии, которое охватывает человека, вдруг узнавшего о смерти близкого, она испытала головокружительную мстительную радость от сознания того, что если она сейчас наткнется на тело своего родного брата, то все ее проблемы тут же закончатся. Она примет наследство своего покойного брата. И тогда она не то что расплатится с Оскаром, она станет настолько богатой, что сможет купить себе квартиру за границей. Поселится в тихой Швейцарии или чистенькой Германии, где-нибудь в Мюнхене, будет целыми днями гулять по улицам, пить пиво и есть жареные мюнхенские колбаски, а вечером валяться с книжкой в руках на огромной кровати... А в банке у нее будет лежать кругленькая сумма... Марго обошла всю квартиру, но так и не нашла Бориса. Совершенно обескураженная, она вышла из квартиры и, только в подъезде сообразив, как она сильно рисковала, разгуливая по ней и оставляя свои следы, бросилась вон на улицу. Глотнула холодного воздуха и, остановив первую же попавшуюся машину, помчалась домой. Она боялась, что за время ее отсутствия Аля могла прийти в себя и сбежать.

Отпирая двери, она услышала телефонный звонок. Это мог быть Вениамин.

Марго схватила трубку и прижала к уху.

– Да, я слушаю.

– Марго, если сегодня к вечеру ты не отдашь мне баксы, мои ребята сделают из тебя фарш.

Это был Оскар. Тот самый парень, которому она задолжала в казино. Это был псих, и все, кто его знал, побаивались его. Он мог в казино подарить незнакомому, но понравившемуся ему человеку несколько тысяч долларов, а мог прямо там, в игорном зале, разбить лицо тому, кто, по его мнению, не так на него посмотрел или что-то не то сказал. Марго, по несчастью, тоже была груба с ним: пару месяцев назад обозвала его дебилом. Поэтому надеяться на снисхождение не приходилось.

– Оскар, я достану деньги. Ты можешь спросить у любого, и тебе скажут: Марго всегда возвращает карточный долг.

– У тебя есть время до вечера, – бросил Оскар, и связь оборвалась.

Марго кинулась в комнату, где оставила Алю, но девушки тоже не было. Она исчезла, как исчезли и все остальные участники разыгравшейся ночной драмы: Борис и Вениамин.

На полу Марго увидела веревки, которыми она привязывала к стулу ноги и руки Али. Сейчас они казались ей зловещими, опасными и наводящими ужас. Ей не верилось, что все то, что ей пришлось пережить этой ночью, явь.

Господи, что же я наделала? Марго, побледнев, в страхе огляделась и, когда ей показалось, что шторы на окне пошевелились, дико закричала.

12. Альтернативный план

Наталья вошла в офис фирмы «Авиценна» и сразу же увидела сидящую за большим столом секретаршу. Все внимание черноволосой худенькой молодой женщины было приковано к компьютеру, на котором она набирала текст. Лицо ее было серьезно и сосредоточенно.

Тамара так увлеченно стучала пальчиками по клавишам, что не сразу заметила посетительницу.

– Вы – Тамара? – Наталья слегка улыбнулась ей и остановилась довольно далеко от стола, чтобы у секретарши была возможность оглядеть посетительницу с головы до ног. Наталья, собираясь сюда, довольно долго приводила себя в порядок, тщательно подкрашивалась, надела строгий серый костюм, а поверх него – норковую шубку. Несмотря на холод, она обулась в замшевые изящные ботинки на каблучке и теперь стояла перед любовницей своего брата во всем своем блеске и великолепии. Какое-то время женщины смотрели друг на друга, явно оценивая.

– Мне кажется, я знаю, кто вы, – вдруг сказала Тамара и широко улыбнулась, показывая крепкие белые зубки. – Вы – сестра Виктора, Наталья.

– Правильно. В таком случае не станем терять время и приступим к обсуждению нашего плана.

Наталья сбросила с себя шубу и кинула на один из столов, села напротив Тамары и достала блокнот.

– Значит, так. Этого частного детектива зовут Николай Лавров. Я выяснила, их офис находится в двух шагах отсюда. Я попрошу его проследить за вами, Тамара, скажу ему, что подозреваю вас в связи с моим другом, и он должен будет мне через неделю представить адреса и фотографии, касающиеся вашего перемещения и лиц, с которыми вы встречаетесь. Дня через три вам надо будет несколько изменить свое поведение...

– Мне нужно будет нервно оглядываться и делать вид, что я заметила слезку, так? – сказала Тамара.

– Правильно. И если вам повезет и вы, будто нечаянно, встретитесь с ним взглядом, ваше обращение к нему с целью подкупа будет выглядеть уже более правдоподобным, естественным. Я заплачу ему тысячу долларов за неделю, а вы, за то, чтобы он скрыл... Так, минуту, а что вам, собственно, понадобится скрывать? Мы же еще ничего не придумали!

– Я могла бы... – щеки Тамары порозовели, – могла бы встречаться время от времени с Виктором. Тем более что у меня сейчас никого нет, и я все свободное время сижу дома и ни с кем не встречаюсь.

– Отличная мысль! Значит, вы попросите этого Лаврова, чтобы он в своем отчете не упоминал ничего, что могло бы быть связано с вашими свиданиями с Виктором. И заплатите ему три тысячи долларов. – Она, устремив задумчивый взгляд в пространство, усмехнулась: – Мало кто устоит перед такими деньгами, тем более что и делать-то ничего особенного не надо. Просто кое о чем умолчать, и все.

С этими словами Наталья достала из сумочки конверт с деньгами и положила перед Тамарой. Секретарша широко раскрыла глаза, вероятно, не ожидая, что события начнут разворачиваться так стремительно и что Наталья придет к ней уже с деньгами. *Значит, для Виктора результаты этой операции имеют огромное значение. Оно и понятно, ведь если выяснится, что Лавров продажная шкура, значит, Рената на самом деле могла его подкупить.*

Потом Наталья позвонила в частное сыскное бюро, но Лаврова на месте не оказалось.

– Передайте ему, как только он появится, – говорила она в трубку тоном, не терпящим возражения, – чтобы он перезвонил, – она назвала номера телефонов, – и спросил Наталью Агранатову. Это срочно. – И, уже обращаясь к Тамаре: – Нет на месте, какая жалость! Но

он обязательно позвонит, я уверена. Не думаю, чтобы у частных сыщиков было так уж много работы, тем более что их услуги стоят очень дорого. Ну что ж, Тамара, было приятно познакомиться. Как только Лавров объявится, я тебе перезвоню, и мы наметим план дальнейших действий. Думаю, тебе он доставит массу удовольствия... – и Наталья, к огромному удивлению Тамары, расхохоталась. – А денежки спрячь, вдруг кто увидит... – И снова рассмеялась.

После того как Наталья ушла, Тамара, несколько обескураженная столь странным поведением своей утренней посетительницы (*и чего она хохочет как ненормальная?*), сама перезвонила в бюро. Лаврова все еще не было, но она узнала точный адрес и решила сама пойти туда и дожждаться его до того, как он позвонит Наталье. Андрей Бархатов еще не появился, а потому не надо было ни у кого отпрашиваться. Ей в голову пришла мысль, что три тысячи долларов за информацию, которая на сегодняшний день ни для кого не представляет особого интереса, поскольку главного участника тех событий уже нет в живых, а именно Ренаты, – это слишком дорого. Ведь если у Лаврова сохранились материалы, подтверждающие связь Ренаты с другим мужчиной, то Наталье не придется платить ему тысячу долларов за неделю слежки за Тамарой. Чуть позже, уже на пути в бюро, она, правда, сочла свое беспокойство за деньги совершенно чужого ей человека излишними. Больше того, Тамара решила, что может подкупить Лаврова не за три, а всего лишь за тысячу долларов. Словом, по мере приближения к бюро цена Лаврова падала все ниже и ниже. Когда же она открыла дверь конторы со скромной табличкой «Частное сыскное бюро «Алиби», эта сумма уже составляла две тысячи рублей.

Ей повезло – Лавров вошел в офис следом за ней, и, когда сидящая за столом девушка начала было говорить ему о звонке *одной дамы*, Тамара, опередив ее, сказала, что это она и есть и что она сама решила прийти сюда и дожждаться Лаврова, поскольку дело не терпит отлагательства.

Лавров, худой высокий парень в потертой джинсовой куртке на меху, с растрепанными белокурыми волосами, молча кивнул головой и пригласил ее для разговора в маленькую, но ярко освещенную каморку, которую он, вероятно, считал своим кабинетом.

– Присаживайтесь. Я слушаю вас.

Тамара внимательно посмотрела ему в глаза, словно пытаясь определить, насколько велика вероятность того, что этот парень станет с ней разговаривать о Ренате, но, так ничего и не выяснив для себя, вздохнула и задала свой первый вопрос:

– Вы знали Ренату Кленову?

Лицо Лаврова побледнело, он судорожным движением достал из кармана пачку сигарет и выбил щелчком одну. Закурил.

– Ее, кажется, убили... – Он откинулся на спинку стула и выпустил изо рта струю дыма. – На лыжне.

13. Гороховый суп

Аля Вишня стояла посреди разгромленной квартиры и не могла понять, что же здесь произошло. Еще несколько часов тому назад она пожелала спокойной ночи Борису Ефимовичу, и ничто, казалось бы, не предвещало трагедии. И вот теперь вместе с квартирой чья-то злая рука разрушила тихий и теплый мирок, выпотрошила вместе с содержимым шкафов все то хорошее, что начало зарождаться в этих стенах, все то доброе и оптимистичное, чего прежде так не хватало в ее жизни.

Судя по количеству крови, которую она обнаружила на полу кухни, ее благодетель, ее друг и покровитель был мертв, и его тело убрали, спрятали, уничтожили... Если бы его увезли в морг, рассуждала она, то квартира была бы заполнена толпой экспертов и следователей. Значит, это именно убийца избавился от тела. Но кто это сделал, кому понадобилось убивать этого добрейшего человека, – об этом приходилось только гадать. Марго? Да, безусловно, здесь не обошлось без ее коварной руки. А еще ее отец, который выманил Алю из квартиры и чуть не удушил собственными руками, засунув глубоко в горло какой-то мерзкий влажный и тяжело пахнувший лекарством кляп. Марго и ее отец – пара эгоистов. Пара убийц.

Понимая, что в квартире в любую минуту могут появиться люди и схватить ее, как свидетельницу или подозреваемую в убийстве, Аля, удивляясь собственному хладнокровию, обмотала руку подобранным с пола платком и набрала номер телефона милиции.

– Записывайте: улица Лунная, дом 23, квартира 7. Убит хозяин квартиры, Борис Ефимович Юдин, предприниматель. Тела нет, но крови много. Предполагаемая убийца – сестра, картежница, ее зовут Марго, она постоянно торчит в казино. Вчера она угрожала ему, требовала денег. И еще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.